

ТВОРЕНІЯ

СВЯТЫХЪ ОДЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

подаваемыхъ

ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Книжки 5 и 6

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВЪ ГОТЪЕ

1863

О ВАЛЕНТИНИАНАХЪ;

они же и гностики; ересь одиннадцатая, а по общему порядку тридцать первая.

Гл. 1. Послѣ сихъ, такъ называемыхъ, евіонеевъ, возвращеніе которыхъ видѣли мы въ подробности, обѣщавъ при помощи Божіей силы показать образы другихъ, за ними слѣдующихъ, звѣрей, у которыхъ — яды пресмыкающихся, и угрызенія и отравы смертельныя, какъ сіе можно видѣть въ ихъ ученіяхъ, и которые порождены огнедышащею бездною или страшнымъ пресмыкающимся и василискомъ, перехожу къ ереси валентиніанъ, придавшихъ себѣ и наименованіе гностиковъ, которыхъ считается десять разныхъ толковъ, своеобразно, но равносильно пораженныхъ однимъ ударомъ — грезами о четахъ, объ осмерицахъ и объ зонахъ мужескаго и женскаго пола. Готовлю же обличеніе валентиніанамъ, не по преемству времени ставя ереси въ порядокъ, но постепенно переходя отъ одной къ другой. Ибо гностики всѣ въ одно время изникли, какъ грибы изъ земли, и какъ вредные и зловонные побѣги тернистыхъ травъ и растеній, и подобно норѣ со многими скорпіонами съ одного времени всѣ появились на свѣтъ, какъ грибы, по сказанному выше, показавшись въ

одной безобразной кучѣ, что еще прежде о нихъ было говорено святѣйшимъ Иринеемъ. Ибо всѣ они были современники: но каждый, заимствуя поводъ къ худому у другаго, и другъ передъ другомъ желая еще больше имѣть случаевъ дѣйствовать на показъ, отпечатлѣвалъ на себѣ отличіе худаго изобрѣтенія, — и всѣ они именовали себя гностиками, разумію Валентина и гностиковъ прежде него бывшихъ, а также Василида, и Саторнила, и Колорваса, Птолемея и Секунда, Карпократа и многихъ другихъ. Но поименовавъ здѣсь ихъ всѣхъ вмѣстѣ по стеченію въ одно время всѣхъ ихъ появленія и возникновенія, отдѣльно изложимъ, что зломысленнаго вышло отъ cadaго сѣмени. Теперь же приступимъ къ указанному ересеначальнику и виновнику плачевныхъ событій, разумію Валентина, и его ученіе, которое, называясь гностическимъ, много общается, но, по предосудительному буесловію, достойно осужденія и смѣха, какимъ и признается по миѣнію разумныхъ.

Гл. 2. И такъ Валентинъ этотъ по времени служить преемникомъ поставленныхъ выше его Василида, Саторнила, Евіона, Керинѳа, Меринѳа и окружавшихъ ихъ. Ибо всѣ они къ несчастію появились на свѣтъ въ одно время; немногимъ же предупредили Керинѳъ, Меринѳъ и Евіонъ, ибо они родились въ одно время съ тѣми, о которыхъ говорили мы

прежде нихъ. Отечества Валентина, или откуда онъ произошелъ, многіе не знали; ибо ни одинъ писатель не позаботился указать мѣсто сіе. До насъ же по слуху какъ-то дошла нѣкая молва, почему не минуемъ указать и мѣсто его рожденія; хотя это и подѣ сомнѣніемъ, если должно говорить правду, однакожъ не умолчимъ о дошедшемъ до насъ слухѣ. Говорили иные, что онъ родился въ приморской странѣ Египта, Фревоитѣ, а въ Александріи получилъ ученое еллинское образованіе. Отсюда, въ подражаніе Гезіодовой ѳеогоніи и тридцати боговъ, именуемыхъ самимъ Гезіодомъ, и онъ, перенявъ своимъ умомъ языческое баснотворство, и занявъ образъ мыслей у тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ и прежде него отпали отъ истины, — и самъ наравнѣ съ Гезіодомъ, одни имена передѣлавъ въ другія, пожелалъ измыслить свой міръ. Ибо и ему угодно ввести тридцать боговъ и эоновъ и небесъ, изъ которыхъ первымъ, какъ помѣшавшись въ умѣ говорилъ Валентинъ, есть Глубина (*βυθός*), какъ, то есть, и предначертатель его образа мыслей Гезіодъ первымъ изъ боговъ называлъ Хаосъ. А Хаосъ и Глубина (кому это не ясно?) имена подобозначащія. Разсмотри же плача достойное баснословіе и негодное ученіе обманщика. Ему угодно, какъ сказалъ я, ввести тридцать эоновъ, которыхъ именуешь и богами, утверждая, что пятнадцать изъ нихъ

мужескаго, и столькоже женскаго пола. Каждого же зона въ соединеніи мужескаго и женскаго пола и самъ Валентинъ и послѣдователи его называютъ и парюю. И говорятъ, что ихъ пятнадцать двоиць, которыя называютъ четами, а всѣхъ зонъ тридцать, и каждый женскаго пола зонъ отъ зона мужескаго пола раждаетъ слѣдующихъ зонъ; порядокъ же ихъ, при противоположеніи каждому имени зона мужескаго пола сопоставленнаго ему имени женскаго, таковъ, какъ ниже показано, а именно слѣдующій: Амсію, Авраанъ; Вукуа, Оардуу; Увукуа, Оардеадіи; Мерекса, Атарварва; Удуа, Кестинъ; Удуакъ, Еслинъ; Амфенъ, Ессуменъ; Уананинъ, Ламертаде; Аѳамесь, Суминъ; Аллора, Кувіаѳа; Данаддаріа, Дамо; Оринъ, Ланафехъ; Удамфехъ, Емфивохе; Вара, Ассиу; Ахе, Велимъ; Дексарихе, Масенъ. Такъ слѣдуютъ они при соединеніи по четамъ мужескаго пола зонъ съ женскими, а въ порядкѣ преемства такъ: Амсію, Авраанъ, Вукуа, Оардуу, Увукуа, Оардеадіи, Мерекса, Атарварва, Удуа, Кестинъ, Удуакъ, Еслинъ, Амфенъ, Ессуменъ, Уананинъ, Ламертаде, Аѳамесь, Суминъ, Аллора, Кувіаѳа, Дамо, Данаддаріа, Оринъ, Ланафехъ, Удамфехъ, Емфивохе, Вара, Ассиу, Ахе, Велимъ, Дексарихе, Масенъ. Толкованія же сихъ наименованій таковы: Глубина и Молчаціе, Умъ и Истина, Слово и Жизнь, Человѣкъ и Церковь, Утѣшитель и Вѣра, Отчій и Надежда, Матерній

и Любовь, Вѣчный Умъ и Разумѣніе, Желанный, онъ же и Свѣтъ, и Блаженство, Церковный и Премудрость, Глубинный и Смѣшеніе, Нестарѣющійся и Единеніе, Самородный и Сраствореніе, Единородный и Единство, Неподвижный и Удовольствіе. Если же считать по преемству и порядку отъ превысшаго и неизменнаго Отца, у нихъ называемаго Глубиною, до сего нашего неба число тридцати будетъ таково: Глубина, Молчаніе, Умъ, Истина, Слово, Жизнь, Человѣкъ, Церковь, Утѣшитель, Вѣра, Отчій, Надежда, Матерній, Любовь, Вѣчный Умъ, Разумѣніе, Желанный, онъ же и Свѣтъ, Блаженство, Церковный, Премудрость, Глубинный, Смѣшеніе, Нестарѣющійся, Единеніе, Самородный, Сраствореніе, Единородный, Единство, Неподвижный, Удовольствіе.

Гл. 3. Вотъ ихъ баснословное сказаніе о тридцати зонахъ, и пустословіе о четахъ въ духовной будтобы Плиромѣ (полнотѣ). Если кто сравнительно сличитъ оное съ баснословіемъ Гезіода, Стисихора и другихъ еллинскихъ стихотворцевъ, найдетъ, что то и другое тождественны, и не разнственны между собою, и изъ сего узнаетъ, что не иное что удивительное общаются подъ видомъ тайны возвѣстить дивныя ересеначальники. Ибо не другое что сдѣлали, какъ переняли у елиновъ имѣвшіеся у нихъ поэтическіе вымыслы ложнаго языческаго баснословія и ученія, ничего не пере-

иначивъ, кромѣ именъ, передѣланныхъ ими на варварскія. Такъ Гезіодъ говоритъ: прежде всего происходитъ Хаосъ, что валентиніане называютъ Глубиною, потомъ Ночь; Мракъ, Земля; Эфиръ, День; Любовь (ἔρως), Дума; Рокъ, Бѣда; Жребіи, Кара (νέμεσις); Смѣхъ (μῆριος), Дружба; Смерть, Безуправность; Старость, Злая Судьба; Влеченіе, Забвевіе; Соиъ, Битва; Дающій ослабу членамъ, Наглость; Радостный, Блистательность; Прекращающій заботы, Обольщеніе: Сладкопѣвецъ, Ссора. Такимъ образомъ въ порядкѣ счисленіе сіе боговъ мужескаго пола и женскаго составляетъ тридцать. Но если кто пожелаетъ знать, какъ сочинители сіи приводятъ ихъ одного съ другимъ въ сочетаніе, то найдетъ, что сочетаются и сопрягаются между собою, какъ угодно бываетъ поэтамъ; такъ одни, сочетавъ Глубину съ Ночью и Молчаніемъ, производили отъ сего рожденіе Земли, а другіе—рожденіе Неба, которое называли еще Иперіономъ. Небо же, говорятъ, сочетавшись съ Землею, породило мужескій и женскій полъ; подобно сему—и всѣ послѣдующіе до конца всего ихъ вымысла, какъ содержитъ безконечное ихъ вздорное баснословіе. Можно также найдти, что сочетаются и сопрягаются, и могутъ быть соединены между собою такимъ образомъ: Хаосъ. Ночь; Мракъ, Земля; Эфиръ, День; Любовь, Дума; Рокъ, Бѣда; Жребіи, Кара; Смѣхъ, Дружба;

Смерть, Безуправность; Старость, Злая Судьба; Влеченіе, Забвеніе; Сонъ, Битва; Дающій ослабу членамъ, Наглость; Радостный, Блестательность; Прекращающій заботы, Обольщеніе; Сладкопѣвецъ, Ссора. Если же кто будетъ внимателенъ къ вымыслу еретиковъ, и пожелаетъ узнать, какъ они, напрасно воодушевляясь къ тому, что не должно, мірскими и эллинскими стихотворцами, которыми оглушены, вдаются въ суетный трудъ и бесполезную трату силъ; то найдетъ, что еретики еще болѣе заблуждаются.

Гл. 4. Отсюда поднимаясь и еще выше, какъ думали, въ своихъ изслѣдованіяхъ, собственнымъ своимъ бѣснующимся разумомъ они изобрѣли Недостатокъ (*ὕψιστος*), который называютъ и Недостаткомъ, и Вседержителемъ, и Зиждителемъ, и Творцемъ сущностей. Имъ, говорятъ, послѣ семи небесъ сотворена низшая осмерица, уподобленная первой осмерицѣ; потому что самъ онъ въ осмерицѣ, и создалъ послѣ себя еще семь небесъ. Съ этимъ Недостаткомъ хотятъ сочетать какій-то эонъ, не знавшій смѣшенія и безженный, отъ Плиромы пришедшій сюда по исканію, исшедшей свѣще отъ Матерней Премудрости, души, для которой хотятъ образовать и измыслить имя: Ахамоѣ; эонъ же сей называютъ и Спасителемъ, и Предѣломъ, и Крестомъ, и Предѣлоположникомъ, и Преводителемъ (*Μεταγωγέως*), и

Иисусомъ, прошедшимъ чрезъ Марію, какъ чрезъ трубу. Онъ же есть свѣтъ отъ вышняго Христа, и по сему отъ имени отца называется Свѣтомъ по вышнему Свѣту, и Христомъ по вышнему Христу, и Словомъ по вышнему Слову; называется также Спаситель и Умомъ; онъ всегда восходитъ выше отца своего—Диміурга, и вмѣстѣ съ собою возноситъ ввѣряющихся ему къ горнымъ четамъ Плиромы. И вотъ каково ихъ пустословіе, и сколь велико суесловіе! Но изложу, по сказанному прежде, и то, какъ они свое пустословіе сочетали съ вымыслами поэзіи и языческихъ басней. Въ слѣдъ за тридцатью измыслили еще одно имя—среднее, безженное, а послѣ него еще осмерицу изобрѣтенную Диміургомъ, которая также можетъ быть расположена по четамъ, имена же ея вотъ какія: Екзепэфъ, Порфиріонъ, Пряха (а), Ріакъ, Участь, Епифаонъ, Непреклонная, Иперіонъ, Астеропа. Таково-то зрѣлищное представленіе этихъ поэтовъ, содержащее въ себѣ много и другихъ наименованій для именуемыхъ ими боговъ мужескаго и женскаго пола, которые, будучи называемы иными различно, могутъ составить число трехсотъ шестидесяти пяти, потому что поэты и еще гре-

(а) *Κλωθε*, имя одной изъ трехъ паркъ. Упоминаемая въ семь же мѣстъ: Участь (*Λύχισ*) и Непреклонная (*Ἀτρολος*)—двѣ остальные парки.

зять, давая тѣмъ предлогъ другимъ ересямъ снова повторять тоже самое плачевное занятіе. Ибо, по словамъ Гезіода, Орфея и Стисихора, послѣ выше приведенныхъ именъ родились Уранъ и Тартаръ, Кронъ и Рея, Зевсъ и Гера, Аполлонъ, Посидонъ, Плутонъ и множество еще именуемыхъ у нихъ богами; потому что многообразно это ихъ заблужденіе, обольстительное по вымыслу, которое, измышляя и изобрѣтая пустыя слова, произвело много басней. И оно-то, по видимому, вводитъ въ обманъ разумъ сихъ обольщенныхъ. Всѣ же имѣющіе умъ, просвѣщенный отъ Бога, находятъ это прямо смѣшнымъ. Но, оставивъ это, теперь предложу здѣсь извлеченіе изъ чтеній валентиніанъ, то есть изъ ихъ книги, слово въ слово и буквально сходно съ содержащимся въ ихъ книгахъ; вотъ сіе извлеченіе:

Гл. 5. Предъ мудрыми. Предъ душевными. Предъ плотскими. Предъ мірскими. Предъ Величествомъ. Умъ неупразднимый неупразднимымъ желаетъ радоваться. Я дѣлаю вамъ напоминаніе о неименуемыхъ, неизреченныхъ и пренебесныхъ тайнахъ, недомыслимыхъ ни началамъ, ни властямъ, ни подначальнымъ чинамъ, ни всему смѣшенію, а открытыхъ одной только Мысли Неизмѣняемаго. Ибо въ началѣ, когда все, само въ себѣ бывшее неизвѣстнымъ, заключалъ въ себѣ самомъ Самоотецъ, котораго иные называютъ эономъ нестарѣю-

щимся, вѣчно юнѣющимъ, двуполымъ, и который всюду все объемлетъ и ничѣмъ не объемлется; тогда Мысль (*ἔννοια*), которая въ немъ, и которую иные называютъ Мыслию, а другіе Благодатию собственно потому, что она преподаетъ сокровища Величества тѣмъ, которые отъ Величества, болѣе же близкіе къ истинѣ наименовали Молчаніемъ, потому что Величество все совершило помышленіемъ, безъ слова,—сія-то самая, какъ сказалъ я прежде, Мысль, нерастлѣнная, сама пожелала расторгнуть узы, и разнѣжила Величество до возбужденія въ немъ желанія опочить. И она-то отъ смѣшенія съ нимъ произвела на свѣтъ Отца истины, котораго совершенные именуютъ собственно Человѣкомъ, потому что онъ былъ подобообразенъ прежде сего бывшему Нерожденному. Послѣ сего Молчаніе, выведши наружу естественное единство съ Человѣкомъ по свѣту (а сошлись они между собою хотѣніемъ), произвело Истину. Истина же именуется такъ у совершенныхъ собственно потому, что была истинно подобна своей матери—Молчанію; такъ какъ Молчаніе захотѣло этого — равнаго раздѣла свѣтовъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго,—для того, чтобы изъ нихъ самихъ ясно было, что это оно раздѣлилось на чувственные свѣты въ томъ, что произошло отъ этого раздѣла и въ немъ. Послѣ сего Истина, обнаруживши материнское сладостра-

стіе (*προουχία*), склонила на нѣжность къ себѣ своего отца, и они соединились взаимно смѣшеніемъ чуждымъ растлѣніа, и непричастною старости связію, и произвели на свѣтъ духовную четверицу — мужскаго и женскаго пола, подобообразную прежде бывшей четверицѣ, которую составляли: Глубина, Молчаніе, Отецъ, Истина. Происшедшая же отъ Отца и Молчанія четверица: Человѣкъ, Церковь, Слово, Жизнь. Тогда, по желанію всеобъемлющей Глубины, Человѣкъ и Церковь, вспомнивъ отеческія слова, соединились между собою и произвели на свѣтъ двенадцать Пруниковъ того и другаго пола. Мужскаго пола Пруники суть: Утѣшитель, Отчій, Матерній, Вѣчный Умъ, Желанный, онъ же и Свѣтъ, Церковный. А женскаго пола: Вѣра, Надежда, Любовь, Разумѣніе, Блаженство, Премудрость. Потомъ же и Слово и Жизнь, подъ видомъ дара хваленія, вошли въ общеніе между собою (общеніемъ же имъ служило хотѣніе), и соединившись произвели на свѣтъ десятицу Пруниковъ, также обоего пола. Изъ нихъ мужскаго пола Пруники: Глубинный, Нестарѣющійся, Самородный, Единородный, Неподвижный. Они взяли себѣ прозваніе въ славу Всеобъемлющаго. А Пруники женскаго пола: Смѣшеніе, Единеніе, Страствованіе, Единство, Удовольствіе. И онѣ усвоили себѣ прозваніе во славу Молчанія.

Гл. 6. Итакъ, когда отъ Отца Истины

исполнилось число тридцати, до котораго живущіе на землѣ и незная ведутъ счетъ, и когда дойдутъ до него, не находя болѣе числа, снова повторяютъ тоже счисленіе (эти же тридцать суть: Глубина, Молчаніе, Отецъ, Истина, Человѣкъ, Церковь, Слово, Жизнь, Отчій, Матерній, Утѣшитель, Вѣчный Умъ, Желанный, Церковный, Вѣра, Надежда, Любовь, Разумѣніе, Блаженство, Премудрость, Глубинный, Нестарѣющійся, Самородный, Единородный, Неподвижный, Смѣшеніе, Вѣдѣніе, Сраствореніе, Единство, Удовольствіе); тогда Всеобъемлющій все превосходящимъ разумѣніемъ постановилъ, чтобы вмѣсто первобытной подлинной осмерицы, которая пребываетъ въ числѣ тридцати (ибо невозможно мыслямъ Величества поднадать счисленію), прозвана была другая осмерица, и замѣнилъ эоновъ мужескаго пола—того же пола Однимъ, Третьимъ, Пятымъ, Седьмымъ, а также ввелъ и женскія названія: Двоицу, Четверицу, Шестерицу, Осмерицу. Итакъ вотъ осмерица, получившая названія вмѣсто первобытной осмерицы: Глубины, Отца, Человѣка, Слова, и Молчанія, Истины, Церкви, Жизни. Сія осмерица соединилась со свѣтами, и сдѣлалось число тридцать полнымъ, а первобытная осмерица упокоилась, когда Глубина, опираясь на Величество, изшла соединиться съ этимъ самымъ числомъ тридцати. Ибо дѣйствительно Отецъ Истины вошелъ въ союзъ

съ Церковію, и Матерній взялъ за себя Жизнь, и Утѣшитель Единицу, и Единица соединилась съ Отцемъ Истины, и Отець Истины былъ съ Молчаніемъ, а Слово духовное сообщилося съ Духомъ, и въ семь смѣшеніи и чуждомъ растлѣнія сраствореніи совершило таинство Самоматери, то есть, нераздѣленное между двоими упокоеніе съ самимъ собою. Итакъ число тридцать, исполнивъ таинства Глубины, совершивъ бракъ между нерастлѣнными, произвело нетлѣнные свѣты, получившіе наименованіе чадъ Единства, и безобразныя. Посему они покоились едва не внѣ разумности безъ мысли: ибо надъ чѣмъ бы кто ни дѣйствовалъ, если не разумѣеть сего всецѣло, не дѣйствуетъ. Тогда-то, по происхожденіи свѣтовъ, которыхъ великое множество нѣтъ необходимости выражать числомъ, а довольно имѣть въ мысли (ибо каждый изъ свѣтовъ получилъ въ удѣлъ свое особое наименованіе за познаніе неизреченныхъ таинъ), Молчаніе, желая всѣхъ возбудить къ собиранію вѣдѣнія, сблизилось со второю подставною осмерицею не въ причастномъ растлѣнію смѣшеніи, но мысленнымъ изволеніемъ. Сіе же мысленное ея изволеніе былъ Духъ Святой, Который посреди святыхъ церквей. Посему, пославъ его во вторую осмерицу, увлекло и ее къ соединенію съ собою. Итакъ совершился бракъ между членами осмерицы: Святой Духъ соединился съ Еди-

нымъ, Двоица съ Третьимъ, Третій съ Шестерицею, Осмерица съ Седьмымъ, Седьмый съ Двоицею, и Шестерица съ Пятымъ; и вся осмерица соединилась въ нестоющимъ удовольствіи и чуждомъ растлѣніи смѣшеніи (ибо между ними небыло взаимнаго разлученія, а было сраствореніе, соединенное съ чистымъ удовольствіемъ), и произвела пятерицу безженныхъ Пруниковъ, имена которыхъ таковы: Посредникъ (*Καρλιζής*), Предѣлоположникъ, Харистирій, Афеть, Преводитель. Они именуются сынами середины. А я желаю, чтобы вы знали Ампсиу, Авраанъ, Вукуа, Фардуу, Увукуа, Фардеадіи, Мерекса, Атарварва, Удуа, Кестинъ, Удуакъ, Еслинъ, Амфень, Ессумень, Уананинъ, Ламертаде, Аоамесь, Суминъ, Аллора, Кувіаѳа, Данаддаріа, Дамо, Орипъ, Ланафекъ, Удамфехъ, Емфивохе, Вара, Ассиу, Ахе, Велимъ, Дексарихе, Масень.

Конецъ извлеченію у валентиніанъ.

Гл. 7. Это предложено мною изъ ихъ книгъ, и сего пусть будетъ довольно. Валентинъ проповѣдывалъ и въ Египтѣ, отъ чего и теперь еще, подобно останкамъ ехидниныхъ костей, въ Египтѣ остаются его сѣмена, именно же въ Аеривитѣ, Просопитѣ, Арсиноитѣ, Фивандѣ, въ нижнихъ частяхъ приморской страны, и въ округѣ Александрійскомъ. А также приходилъ и въ Римъ, и тамъ проповѣдывалъ. Пришедши же въ Кипръ, какъ бы потерѣвъ свойствен-

ное тѣламъ крушеніе, отступилъ отъ вѣры и извратился умомъ. Ибо до сего въ вышеназванныхъ мѣстахъ почитаемъ былъ отчасти имѣющимъ благочестіе и правую вѣру; а потомъ въ Кипрѣ дошелъ до крайней степени нечестія и погрязъ во глубинѣ этого своего негоднаго ученія.

И самъ онъ и его послѣдователи, какъ я сказалъ, называютъ Господа нашего Иисуса Христа и Спасителемъ, и Христомъ, и Словомъ и Крестомъ, и Преводителемъ, и Предѣлоположникомъ, и Предѣломъ. Утверждаютъ, что Онъ принесъ тѣло свыше, и, какъ вода чрезъ трубу, прошелъ чрезъ Марію дѣву, ничего не воспринялъ отъ дѣвическихъ ложеснъ, а имѣетъ тѣло свыше, какъ я прежде сказалъ, и Онъ не есть первое Слово, ни слѣдующій за Словомъ Христоръ, горбъ сущій между горными зонами. А введенъ Онъ въ жизнь, говорятъ, не для чего инаго, какъ только для того, чтобы придти и спасти духовный родъ, ведущій начало свыше. Отрицаютъ воскресеніе мертвыхъ, утверждая нѣчто подобное баснѣ и пустое, будто возстанетъ не это тѣло, но изъ него же иное, называемое у нихъ духовнымъ, и только тѣло тѣхъ, которые называются у нихъ духовными, и кромѣ того—душевныхъ, именно, если душевные праведно поступали, а называемые у нихъ вещественными, плотскими и земными,

совсѣмъ погибнуть и никакъ не спасутся; и еще будто каждая сущность поступить въ то, чѣмъ она произведена, — вещественное отдастся веществу, плотское и земное землѣ. Ибо, по ихъ миѣнію, людей три чина: духовные, душевные, плотскіе. Чиномъ духовнымъ называютъ самихъ себя, а также называютъ себя вѣдцами (*γνώστικοι*), и утверждаютъ, что не нуждаются въ усильномъ трудѣ, а только въ вѣдѣніи и въ томъ, что нарицаютъ они своими таинствами, и будто каждый изъ нихъ безбоязненно можетъ дѣлать все, чтобы то ни было, и ни о чемъ не заботиться. Ибо, какъ утверждаютъ, ихъ чинъ во всякомъ случаѣ спасется, какъ духовный. А о другомъ чинѣ людей мірскихъ, который называютъ душевнымъ, утверждаютъ, что самъ собою не можетъ онъ спастись, развѣ усвоить себѣ спасеніе усиленнымъ трудомъ и праведными дѣлами. Вещественный же чинъ людей мірскихъ, какъ утверждаютъ, не можетъ ни вмѣстить вѣдѣнія, ни принять оное, хотябы исходящій изъ сего чина и желалъ того, но погибнетъ и душею и тѣломъ вмѣстѣ. А ихъ чинъ, какъ духовный, спасется съ инымъ какимъ-то внутреннѣйшимъ тѣломъ, которое они мечтательно называютъ тѣломъ духовнымъ. Душевные же, много потрудившись и взойдя превыше Диміурга, горѣ отданы будутъ Ангеламъ, сущимъ со Христомъ, и ничего не сохранятъ

изъ тѣмъ, а напротивъ того только души, обрѣтшіяся въ полнотѣ признаваемаго еретиками вѣдѣнія и восшедшія превъше Диміурга, отданы будутъ въ невѣсты Ангеламъ, которые со Христомъ.

Гл. 8. Таковы жалкіе вымыслы валентиніанъ; сихъ вымысловъ есть у нихъ и болѣе; но я, что только, какъ думалъ, по свойству своему необходимо привести въ извѣстность, то и пересказалъ, какъ дошли до насъ свѣдѣнія о томъ, откуда произошелъ Валентинъ, въ какія времена жилъ, отъ кого получилъ поводы къ своему ученію; и какое оно было, а также чѣмъ произрастило зло міру; и, какъ сказалъ, отчасти я упомянулъ объ ученіи его, а остальныхъ подробностей о немъ не захотѣлъ излагать отъ себя, найдя у древняго святѣйшаго Иринея составленное противъ Валентина сочиненіе. Доселѣ изложивъ сіе немногое, затѣмъ сдѣлаю выписку цѣликомъ изъ книгъ вышесказаннаго мужа, раба Божія,—разумѣю Иринея. Читается же у него такъ.

Изъ книгъ святаго Иринея (б).

Гл. 9. Послику нѣкоторые, оставивъ истину, вводятъ лживыя слова и родословія

(б) При переводѣ сего извлеченія изъ твореній св. Иринея, по неисправности греческаго текста въ изданіи св. Епифанія, принимаемъ былъ еще въ соображеніе весьма древній латинскій

безконечныя, яже, какъ говоритъ апостолъ, стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрь (1 Тим. 1, 4.), и хитро подготовленною убѣдительностію увлекають умъ неискуснѣйшихъ, и плѣniają ихъ, поддѣлывая слова Господни, дѣлаясь худыми толкователями прекрасно сказаннаго,—и многихъ соврацають, подъ предлогомъ вѣдѣнія отвлекая ихъ отъ Создателя и Устроителя этой вселенной, какъ будто имѣя показать что-то высшее и величайшее Бога, сотворшало небо и землю, и вся яже въ нихъ (Псал. 145, 6.), и какъ убѣдительно искусственностію словъ привлекають къ себѣ неискусныхъ въ способѣ изысканія, такъ непреклонно губятъ ихъ, настройвая ихъ къ хульному и нечестивому образу мыслей о Зиждителѣ, между тѣмъ какъ тѣ не могутъ различать ложь отъ того, что истинно (ибо заблужденіе не выказывается само по себѣ, чтобы въ обнаженномъ видѣ не сдѣлаться удобоизобразимымъ, но хитро прикрашенное покровомъ правдоподобія, внѣшнею видимостію производитъ то, что неискуснымъ кажется, будто оно истиннѣе самой истины, какъ о подобномъ сему сказано у лучшаго насъ, а именно: у изумруда, камня цѣннаго, а для иныхъ и много-

переводъ пяти книгъ св. Иринея противъ ересей, изъ которыхъ извлечена начинающаяся отсюда выписка. Patrol. c. compl. series Græc. T. VII.

цѣннаго, отнимаетъ честь стекло, искусствомъ ему уподобленное, только когда нѣтъ могущаго извѣдать и изобличить хитрость искусственной его обдѣлки. И когда мѣдь примѣшана къ серебру, кто неопытный легко можетъ распознать ее?): посему, чтобы иныя не были по нашей винѣ похищены, какъ овцы волками, подъ наружнымъ прикрытіемъ ихъ овечью кожею, не узнавая въ нихъ тѣхъ, которыхъ Господь заповѣдалъ намъ беречься (Мѡ. 7, 15.), какъ говорящихъ хотя и сходно, но мудрствующихъ несходно; послѣ того, какъ прочиталъ я памятныя записки учениковъ Валентиновыхъ, какъ сами себя называютъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и встрѣчи имѣлъ, и получилъ понятіе объ ихъ образѣ мыслей, призналъ я необходимымъ эти чудовищныя и глубокія тайны, для которыхъ не у всѣхъ въ головѣ есть праздно мѣсто, потому что занято мозгомъ, объявить тебѣ, возлюбленный, чтобы и ты, узнавъ эти тайны, объявилъ оныя всѣмъ, которые съ тобою, и увѣщевалъ ихъ беречься бездны неразумія и хулы на Христа. И, сколько можемъ, предложимъ краткое и ясное извѣстіе о мнѣніяхъ самихъ нынѣшнихъ лжеучителей, — этомъ отпрыскѣ школы Валентиновой, разумію послѣдователей Птолемея, и, по мѣрѣ нашей скудости, изложимъ основанія для опроверженія сихъ мнѣній, показывая, что утверждаемое еретиками не можетъ устоять предъ истиною

и несогласимо съ нею. Хотя навыка къ письменнымъ сочиненіямъ мы не имѣемъ и въ словесномъ искусствѣ не упражнялись; но любовь побуждаетъ насъ объявить тебѣ и всѣмъ, кто съ тобою, даже до нынѣ скрывавшіяся, а теперь по милости Божіей обнаружившіяся ученія; *ничто же бо есть покровено, еже не открыется, и тайно, еже не увидѣно будетъ* (Мѡ. 10, 26.).

Гл. 10. Отъ насъ, проживающихъ между Кельтами и имѣющихъ дѣло по большей части съ варварскимъ нарѣчіемъ, ты не потребуешь ни словеснаго искусства, которому мы не учились, ни способностей писателя, которыхъ мы въ себѣ не образовали, ни украшенности слововыраженія, ни убѣдительности, которой не знаемъ. Напротивъ того съ любовію примешь, съ любовію къ тебѣ написанное просто, истинно и неискусно; и принявъ отъ насъ какъ бы сѣмена и начатки, какъ болѣе насъ способный, самъ собою приумножишь оныя, и сказанное нами въ немногихъ словахъ обильно оплодотворишь на широтѣ ума твоего, и съ силою предложишь своимъ то, что нами высказано слабо. И какъ мы, по давнему твоему исканію освѣдомленія о мнѣніяхъ еретиковъ, приложили тщаніе не только сдѣлать оныя для тебя извѣстными, но и дать напутствіе къ показанію лживости оныхъ; такъ и ты, по данной тебѣ отъ Господа благодати, со тщаніемъ послужишь прочимъ, чтобы люди болѣе не

увлекались убѣдительными словами еретиковъ, которыя подобны слѣдующимъ.

Гл. 11. Говорятъ, что въ невидимыхъ и не именуемыхъ высотахъ есть нѣкій прежде всего сущій, совершенный зонъ (его называютъ Первоначаломъ, Первоотцемъ и Глубиною), и что онъ, будучи невмѣстимъ и невидимъ, приносущъ и нерожденъ, безпредѣльные вѣки былъ въ покоѣ и великомъ безмолвіи. Съ нимъ сосуществовала еще Мысль, та, которую именуютъ также Благодатию и Молчаніемъ. Нѣкогда сія Глубина помыслила произвести отъ себя начало всего, и это произведеніе, которое замыслила произвести, вложила даже, какъ сѣмя, въ сосуществующее съ нею Молчаніе, какъ бы въ ложе сна. Молчаніе, принявъ сіе сѣмя и сдѣлавшись чреватымъ, породило Умъ подобный и равный произведшему его, и одинъ только вмѣщающій величіе Отца. Этотъ умъ называютъ и Единороднымъ, и Отцемъ, и Началомъ всего. Вмѣстѣ съ нимъ произведена Истина. И это есть первая и родоначальная пифагорейская четверица, которую также называютъ корнемъ всего: именно: Глубина и Молчаніе, а потомъ Умъ и Истина. Единородный, почувствовавъ, для чего произведенъ, и самъ произвелъ Слово и Жизнь, отца всему имѣющему быть послѣ него, начало и образъ всей Пиромы. Словомъ и Жизнію произведена еще чета: Человѣкъ и Церковь. И это—родоначальная

осмерица, корень и основапіе всего; она называется у нихъ четырьмя именами: Глубина, Умъ, Слово и Человѣкъ. Ибо каждый изъ нихъ есть чета мужскаго и женскаго пола въ такомъ порядкѣ: во первыхъ Первоотець составляетъ одну чету съ своею Мыслію, Единородный, то есть Умъ съ Истиною, Слово съ Жизнію, и Человѣкъ съ Церковію. Сія же эоны, произведенные во славу Отца, возжелавъ и сами отъ себя прославить Отца, производятъ новыя произведенія своими четами: во первыхъ Слово и Жизнь, по произведеніи Человѣка и Церкви, производятъ десять иныхъ эоновъ, которыхъ имена, по словамъ валентиніанъ, таковы: Глубинный и Смѣшеніе, Нестарѣющійся и Единеніе, Самородный и Удовольствіе, Неподвижный и Сраствореніе, Единородный и Блаженная,—это—десять эоновъ, о которыхъ утверждаютъ, что произведены Словомъ и Жизнію; во вторыхъ Человѣкъ и самъ совокупно съ Церковію производитъ двенадцать эоновъ, которыхъ еретики жалуютъ такими именами: Утѣшитель и Вѣра, Отчій и Надежда, Матерній и Любовь, Вѣчный Умъ и Разумѣніе, Церковный и Блаженство, Желанный и Премудрость. Вотъ тридцать эоновъ, по ихъ заблужденію, скрывавшихся въ безмолвіи и незнаемыхъ; вотъ невидимая и духовная ихъ Плирома, троюратно раздѣленная: на осмерицу, десятицу и дванадцатицу. Посему-то, говорятъ, и Спаситель (ибо не хотятъ имено-

вать Его Господомъ) до тридцати лѣтъ ничего не сдѣлалъ въявь, чтобъ указать на таинство сихъ эоновъ. А также утверждаютъ, что и въ притчѣ о посылаемыхъ въ виноградъ дѣлателяхъ весьма явно указано на сіи тридцать эоновъ: ибо одни изъ дѣлателей посылаются въ первый часъ, другіе въ *третій*, иные въ *шестый*, другіе въ *девятый*, а иные въ *единыйнадесять* (Матѳ. 20, 1—6.); въ сложности вышесказанные часы составляютъ собою число тридцать; ибо одинъ, три, шесть, девять и одиннадцать—составляютъ тридцать; часами же, по мнѣнію валентиніанъ, означаются эоны. И вотъ какія великія, удивительныя и неизреченныя тайны плодоносятъ они, примѣняя и приспособляя къ своему вымыслу и еще, что можно, изъ сказаннаго въ писаніяхъ во множественномъ числѣ.

Гл. 12. О признаваемомъ ими Первоотцѣ говорятъ, что знаемъ онъ одному рожденному отъ него Единородному, т. е. Уму, а для всѣхъ прочихъ невидимъ и непостижимъ. И одинъ Умъ, по ихъ словамъ, услаждался созерцаніемъ Отца, и радовался, помышляя о безмѣрномъ Его величіи, потомъ замыслилъ сообщить и прочимъ эонамъ о величіи Отца, каковъ онъ, и какъ великъ, какъ безначаленъ и невмѣстимъ и недоступенъ видѣнію. Но Молчаніе по желанію Отца сдержало Умъ, потому что онъ хотѣлъ всѣ эоны привести къ мысли и желанію изслѣдовать вышеназваннаго Первоотца. Подобнымъ

образомъ и прочіе эоны, но какъ-то спокойно, желали увидѣть того, отъ кого произошло ихъ сѣмя, и увѣдать безначальный корень. Но между ними много выдался впередъ одинъ эонъ, послѣдній и младшій изъ числа дванадцятицы, произшедшей отъ Человѣка и Церкви, т. е. Премудрость. Она почувствовала страсть, не испытавъ объятія супругомъ Желаннымъ. Страсть эта получила начало въ Умѣ и Истинѣ и перешла къ этому эону, совращенному съ правильнаго пути, по видимому, любовію, а въ самомъ дѣлѣ дерзостію, потому что онъ не имѣлъ, какое имѣетъ Умъ, общенія съ совершеннымъ Отцемъ. Страсть же состояла въ исканіи Отца; ибо Премудрость, какъ говорятъ, пожелала постигнуть его величіе. Но потомъ не смогла этого, потому что взялась за дѣло не по силамъ. И бывъ въ весьма великомъ бореніи, и по причинѣ величія Глубины, и неизслѣдимости Отца, и по нѣжной любви къ нему, постоянно простираясь впередъ, эонъ сей въ конецъ могъ бы быть поглощенъ сладостію Отца и разрѣшиться во всеобщую сущность, если бы не встрѣтился съ силою укрѣпляющею и стрегущею все внѣ неизреченнаго величія (сію же силу называютъ и Предѣломъ). Сею силою былъ онъ удержанъ и утвержденъ, и съ трудомъ возвратившись въ себя самага, и убѣдившись, что Отецъ неопостижимъ, отложилъ прежнее помышленіе вмѣс-

тѣ со страстію, привзошедшею въ слѣдствіе поразительности онаго чуда.

Гл. 13. Нѣкоторые же изъ валентиніанъ какъ-то такъ баснословятъ о страстномъ увлеченіи Премудрости и ея обращеніи, что она, предпринявши дѣло не по силамъ и для ней необъятное, породила сущность безобразную, какую только и естественно было ей, какъ эону женскому, родить, и уразумѣвши это, сперва опечалилась несовершенствомъ рожденія, за тѣмъ убоялась того, чтобы и сіе бытіе не возымѣло конца; потомъ пришла въ изумленіе и недоумѣніе, отыскивая причину сему и способъ, какъ бы скрыть происшедшее. Въ этихъ страстныхъ состояніяхъ предприняла она обращеніе и пыталась возвратиться къ Отцу; нѣкоторое время бывши дерзкою, ослабѣла и стала умолять Отца о прощеніи. Съ ней вмѣстѣ просили и прочіе эоны, а особенно Умъ. Поэтому говорятъ, что сущность вещества получила первое начало отъ невѣжества, печали, страха и изумленія. Отецъ же послѣ сего производитъ чрезъ Единороднаго вышесказанный Предѣлъ,—эонъ, не имѣющій четы и безженный по собственному образу Отца. Ибо Отца то сочетаваютъ съ Молчаніемъ, то думаютъ поставить выше разности мужскаго и женскаго пола. Предѣлъ же этотъ называютъ и Крестомъ, и Освободителемъ, и Посредникомъ, и Предѣлоположникомъ,

и Преводителемъ. Симъ Предѣломъ, какъ утверждаютъ, очищена и подкрѣплена Премудрость, и восстановлена въ своей четѣ. Ибо, по отдѣленіи отъ нея Помышленія вмѣстѣ съ привзошедшею страстію, сама она осталась внутри Плиромы; а ея Помышленіе вмѣстѣ со страстію отдѣлено и отграждено Предѣломъ, и будучи внѣ Плиромы, хотя и составляетъ духовную сущность, какъ нѣкое естественное стремленіе зона, но не имѣетъ образа и вида, потому что ничего не достигло. Посему и называютъ его слабымъ и женственнымъ плодомъ.

Гл. 14. По отдѣленіи же его отъ Плиромы зоновъ, и по восстановленіи его Матери въ ея собственномъ сочетаніи, Единородный, согласно предусмотрѣнію Отца, чтобы какій либо изъ зоновъ не пострадалъ подобно Премудрости, въ оплотъ и укрѣпленіе Плиромы произвелъ еще другую чету: Христа и Духа Святаго, которыми зоны приведены въ порядокъ. Ибо Христосъ научилъ ихъ быть довольными, познавая естество четы и понятіе нерожденного, и возвѣстилъ между ними то познаніе объ Отцѣ, что онъ не вмѣстимъ и непостижимъ, и его не иначе можно видѣть, или слышать, какъ только чрезъ Единороднаго, и что причина вѣчнаго пребыванія для прочихъ — непостижимое бытіе Отца, а его собственному приведенію въ бытіе и образованію причина въ томъ, что есть постижимаго

въ Отцѣ, а это—Сынъ. Вотъ что сдѣлалъ у эоновъ новоприведенный въ бытіе Христосъ. Единый же Духъ Святой научилъ всѣхъ ихъ, уравнившись между собою, вознести благодарность, и привелъ къ истинному покою. Такъ, говорятъ, установилось равенство между зонами по образу и по настроенію: всѣ сдѣлались Умами, всѣ Словами, всѣ Человѣками, и всѣ Христами; а подобно сему и женскіе эоны всѣ сдѣлались Истинами, всѣ Жизнями, Духами и Церквами. Когда при этомъ всѣ установились твердо и окончательно успокоились, то, какъ утверждаютъ еретики, съ великою радостію воспѣли Первоотца, при участіи и его во множествѣ веселія. И за сіе благодѣяніе эоны всею Плиромою, по единодушному желанію и рѣшенію, съ соизволенія Христа и Духа и съ утвержденія Отца, принесли и собрали вмѣстѣ, что каждый изъ эоновъ имѣлъ въ себѣ лучшаго и наиболѣе цвѣтушаго, и все это стройно связавъ и соразмѣрно соединивъ, произвели нѣкое произведеніе въ честь и славу Глубины, именно же совершеннѣйшую красоту и звѣзду Плиромы, совершенный плодъ—Иисуса, который названъ и Спасителемъ, и Христомъ, и Словомъ по имени Отца, и потомъ еще Всяческая, потому что онъ—отъ всѣхъ. Вмѣстѣ съ нимъ произведены въ честь самихъ эоновъ почетные ему спутники—сродные ангелы.

Гл. 15. И такъ вотъ какій, по словамъ валентинианъ, ходъ дѣлъ внутри Плиромы: бѣда, постигшая увлекшійся страстію эонъ, который едва не погибъ отъ изслѣдованія Отца, по причинѣ его необъятности; шестиугольный оплотъ изъ Предѣла, Креста, Освободителя, Посредника, Предѣлоположника и Преводителя; приведеніе Отцемъ въ бытіе первообразнаго Христа и Духа Святаго послѣ эоновъ въ слѣдствіе раскаянія; сложное и сборное устройство втораго Христа, котораго еретики называютъ и Спасителемъ. Но этого, говорятъ, не сказано ясно, потому что не всѣ вмѣщаютъ такъ называемое еретиками вѣдѣніе, но таинственно объявлено отъ Спасителя могущимъ разумѣть въ притчахъ, а именно такъ: тридцать эоновъ, по сказанному нами прежде, указаны тридцатью годами, въ которые, какъ утверждаютъ еретики, Спаситель ничего не сдѣлалъ явно, и притчею о дѣлателяхъ въ виноградникѣ. И Павелъ, говорятъ, многократно весьма ясно именуетъ сихъ самыхъ эоновъ, и даже соблюлъ и порядокъ ихъ, сказавъ такъ: *во вся роды вѣка вѣковъ* (*τοῦ αἰῶνος τῶν αἰώνων*, Ефес. 3, 21.). Да и мы, когда, при евхаристіи говоримъ: *во вѣки вѣковъ*, то означаемъ этихъ же эоновъ. И гдѣ только именуются: вѣкъ или вѣка, всѣ тѣ мѣста, по мнѣнію еретиковъ, относятся къ зонамъ. А о дванадцатицѣ эоновъ думаютъ, что на приведеніе ихъ въ бы-

тіе указано собесѣдованіемъ двенадцатилѣтняго Господа съ законоучителями, и избраніемъ апостоловъ, ибо апостоловъ двенадцать. Остальные же осмнадцать эоновъ, какъ думаютъ, открыты въ томъ, что Господь, какъ говорятъ еретики, по воскресеніи изъ мертвыхъ, пребывалъ съ учениками осмнадцать мѣсяцевъ. А также двумя начальными буквами Его имени, т. е. йотою (*ι*) и итою (*η*), знаменательно, говорятъ, указаны осмнадцать эоновъ. Точно также, говорятъ, первая въ имени Господа буква: йота означаетъ десять эоновъ; и потому Спаситель сказалъ: *йота едина или едина черта не преидетъ, дондеже вся будутъ* (Матѳ. 5, 18.). Родившаяся же у двенадцатаго эона страсть, говорятъ, означается отступничествомъ Иуды, который былъ двенадцатымъ въ числѣ апостоловъ, и еще тѣмъ, что Господь пострадалъ въ двенадцатый мѣсяць; ибо, по мнѣнію еретиковъ, Онъ по крещеніи Своемъ проповѣдывалъ одинъ годъ. Еще же, говорятъ, весьма яснымъ указаніемъ на то же служитъ *кровоточивая*. Ибо *дванадцать лѣтъ* страдавши, уврачевана пришествіемъ Спасителя чрезъ прикосновеніе *воскрилію* его (Матѳ. 9, 20.), и посему-то Спаситель сказалъ: *кто прикоснуса мнѣ?* (Марк. 5, 31.), научая учениковъ о совершившемся у эоновъ таинствѣ и объ исцѣленіи пострадавшаго эона. Ибо страдавшая *дванадцать лѣтъ* есть

оная сила; ея сущность распростиралась и растекалась безъ конца, и если бы не прикоснулась она его одѣянiю, то есть Истинѣ первой четверицы, на которую указываетъ *воскриліе*, то разрѣшилась бы въ свою сущность. Однакоже *ста* (Лук. 8, 44.), и страданіе ся прекратилось; потому что *сила, исшедшая* (Лук. 8, 46.) изъ Него (а эта сила, по мнѣнiю еретиковъ, — Предѣль), уврачевала ее, и страданіе отступило отъ нея. А что Спаситель, состоящій изъ всѣхъ, есть Всяческая (*τὸ Πᾶν*), это, говорятъ, показываютъ словами: *всякъ (πᾶν) младенецъ мужеска пола разверзая ложесна* (Лук. 2, 23.); Онъ, будучи всяческая, разверзъ ложесна, изгнанному внѣ Пширомы, Помышленію страдавшаго зона, которое называютъ и второю осмерицею; о ней скажемъ не много послѣ. Посему и Павломъ, говорятъ, ясно сказано: *и Той есть всяческая* (Кол. 1, 17.) и еще: *въ Немъ всяческая, и изъ Тою всяческая* (Римл. 11, 36.) и опять: *въ Томъ живетъ всяко исполненіе Божества* (Колос. 2, 9.); и также объясняютъ слова: *возлавити всяческая о Христѣ Богомъ* (Ефес. 1, 10.), и если еще что другое сказано сему подобное.

Гл. 16. Потомъ о признаваемомъ ими Предѣлѣ, который называютъ и еще многими именами, утверждаютъ, что у него двѣ дѣятельности: скрѣпляющая и раздѣлительная, и поколику онъ даетъ крѣпость и опору, онъ

есть Крестъ (в), а поколику раздѣляетъ и разграничиваетъ, есть Предѣль. И Спаситель, говорятъ, такъ объявилъ о дѣятельностяхъ Предѣла: и во первыхъ о скрѣпляющей сказалъ: *иже не носитъ креста своею, и не послѣдуетъ Мнѣ, ученикомъ Моимъ не можетъ сдѣлаться* (Лук. 14, 27.); и: *взема крестъ, ходи въ слѣдъ Мене* (Марк. 10, 21.), а о раздѣлительной сказалъ: *не приидохоу въ рещи миръ, но мечь* (Матѣ. 10, 34.). И Іоаннь, говорятъ, объявилъ сіе же самое, сказавъ: *лопата въ руку Ею, и отребитъ мно, и соберетъ пшеницу въ житницу Свою: плевны же сожжетъ огнемъ негасающимъ* (Лук. 3, 17.), и этимъ показалъ дѣятельность Предѣла, ибо оная лопата, по толкованію еретиковъ, есть Крестъ, который при томъ истребляетъ все вещественное, какъ огонь солому, а спасаемыхъ очищаетъ, какъ вѣяло пшеницу. Сей Крестъ приводитъ на память, говорятъ, и самъ апостоль Павелъ такимъ образомъ: *слово бо крестное погибавшимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія* (Кор. 1, 18.); и еще: *мнѣ же да не будетъ хвалитися ни о чемъ, токмо о крестѣ Іисуса: иже мнѣ миръ распяся, и азъ миру*

(в) Въ объясненіе такого употребленія слова: *крестъ*, можно замѣтить, что соотвѣтствующее оному греческое слово: *σαυρός*, имѣетъ два значенія; оно значитъ: *крестъ*, но значитъ также: *тыль*, или вообще: *ограда*.

(Гал. 6, 14.). Сему-то подобное говорят валентиніане о признаваемой ими Плиромѣ и объ образованіи всего, усиливаясь приспособить прекрасныя изреченія къ худымъ своимъ выдумкамъ. И при помощи превратнаго истолкованія и неблагонамѣреннаго изъясненія пытаются составить въ свою пользу доказательства не только изъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій, но и изъ закона и пророковъ, такъ какъ въ нихъ изречено много притчей и иносказаній, а обоюдное изъясненіемъ можетъ быть относимо ко многому; съ великимъ же насиліемъ и коварно приспособляя сіе къ своему вымыслу, тѣмъ плѣняютъ и отводятъ отъ истины несоблюдающихъ неизблемую вѣру во единого Бога Отца Вседержителя, и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божія.

Гл. 15. А о томъ, что внѣ Плиромы, говорятъ они подобное слѣдующему: Помышленіе горней Премудрости, которое называютъ также Ахамоеъ, по отдѣленіи вмѣстѣ со страстію отъ Плиромы, говорятъ, по необходимости было извергнуто въ мѣста тѣней и пустоты: ибо стало внѣ свѣта и Плиромы, и, какъ выкидышь, не имѣло образа и вида, потому что ничего не достигло. Сжалился надъ нимъ горній Христось, и, простершись чрезъ Крестъ (г),

(г) Т. е. Предѣль.

собственною своею силою образовалъ образъ только по сущности, но не по вѣдѣнію, и сдѣлавъ это, отступилъ назадъ, взявъ съ собою свою силу, и оставилъ Помышленіе, чтобы, почувствовавъ свое страданіе по причинѣ отчужденія отъ Пиромы, и имѣя въ себѣ нѣкую воню нетлѣнія, оставленную въ немъ Христомъ и Святымъ Духомъ, возжелало превосходнѣйшаго. Почему и называется оно обоими именами: и Премудростию по имени Отца, ибо Отецъ его зовется Премудростию,—и Святымъ Духомъ по Духу Христову. Получивъ образъ и способность разумѣнія, но тотчасъ оставшись безъ соприсутствовавшего ему невидимо Слова, то есть Христа, оно устремилось на поиски оставившаго его свѣта, но не могло настигнуть его, потому что воспрещалъ Предѣлъ. И при семъ-то, какъ утверждаютъ, Предѣлъ, возбраня Помышленію стремиться впередъ, изрекъ: Іао, отъ чего и произошло имя Іао. Не могли перейти за Предѣлъ по причинѣ соплетенія со страстию, и оставшись внѣ одно, Помышленіе подпало многочастной и многообразной страсти во всѣхъ ея частяхъ, и во первыхъ страдало печалію о томъ, что не настигло, а также страхомъ, чтобы не покинула его и жизнь, какъ покинулъ свѣтъ, при этомъ еще — недоумѣніемъ, и все сіе при отсутствіи вѣдѣнія; и у Помышленія не смѣнялись только страсти однѣ дру-

гимн, какъ у зона, бывшаго его матерью, то есть у первоначальной Премудрости, но совмѣщались въ противоположности. Къ нему пришло еще другое расположеніе, а именно, расположеніе обратиться къ оживотворителю. Таковы, говорятъ, были составъ и сущность вещества, изъ котораго составилъ этотъ міръ: отъ обращенія получила происхожденіе всякая душа какъ міра, такъ и Диміурга; отъ страха же и печали возымѣло начало остальное, а именно: отъ слезъ Помышленія произошла всякая влажная сущность, отъ смѣха—свѣтящаяся; отъ печали и изумленія—тѣлесныя стихіи міра. Ибо, какъ говорятъ, оно то плакало и печалилось о томъ, что оставлено одно во тьмѣ и пустотѣ, то увеселялось и смѣялось, когда ему приходилъ на мысль оставившій Помышленіе свѣтъ, то опять впадало въ страхъ, а иногда въ недоумѣніе и изумленіе.

Гл. 18. Что же далѣе? За симъ далѣе сложено много плачевнаго, и каждый изъ еретиковъ, по своему представленію, всякій иначе, высококомѣрно повѣствуетъ, отъ какой страсти, изъ какой стихіи получила происхожденіе какая либо сущность. И, какъ мнѣ кажется, не безъ причины они не хотятъ учить этому всѣхъ въявь, но учатъ только тѣхъ однихъ, которые могутъ за толикія таинства вознаграждать великою платою; ибо чему они учатъ, уже не сходно съ тѣмъ, о чемъ Господь нашъ

сказалъ: *туне пріасте, туне дадите* (Матѳ. 10, 8.): это — тайнства чуждыя, чудовищныя и глубокія, которыя любителямъ жи достаются со многимъ трудомъ. Кто не потратитъ всего своего имущества, чтобъ узнать, что отъ слезъ Помышленія страстнаго Эона получили происхожденіе моря, источники, рѣки и вся влажная сущность, а отъ смѣха свѣтъ, отъ изумленія же и замѣшательства тѣлесныя стихіи міра? Но я хочу и самъ привнести нѣчто къ плодоношенію еретиковъ. Ибо видя, что однѣ воды, какъ-то: ключевыя, рѣчныя, дождевыя и симъ подобныя, прѣсны, а морскія солонныя, прихожу къ мысли, что не всѣ онѣ произведены слезами Помышленія, потому что слеза по качеству своему солонна. Посему явно, что происшедшія отъ слезъ воды суть солонныя. Но вѣроятно, что Помышленіе, бывъ въ великомъ томленіи и затрудненіи, проливало и потъ. Посему согласно предположенію еретиковъ должно допустить, что ключевыя, рѣчныя и, если еще есть какія, иныя прѣсныя воды произошли не отъ слезъ Помышленія. Ибо невѣроятно, чтобы и солонныя и прѣсныя воды произошли изъ слезъ, потому что качество слезъ одно. Но вѣроятнѣе то, что первыя—отъ слезъ, а вторыя отъ пота. Поелику же въ мірѣ есть еще нѣкія теплыя и ѣдкія на вкусъ воды, то долженъ ты понимать, при какомъ дѣйствіи и какою частію испустило

оно эти воды. Такіе-то плоды приличны предположенію валентиніанъ.

Гл. 19. И такъ Матерь ихъ, выйдя изъ состоянія страсти, и едва восклонившись, обратилась, какъ говорятъ, съ мольбою къ покинувшему ее свѣту, то есть Христу. Онъ же, восшедъ въ Плирому, самъ какъ будто полѣнился низойти въ другой разъ, а послалъ оной Матери Утѣшителя, то есть Спасителя, потому что Отецъ передалъ ему всю силу и все отдалъ ему во власть, а подобно сему поступили и зоны, чтобы *Тѣлз* создана были *всяческая, видимая и невидимая, престолы, божества, господствія* (Кол. 1, 16.). Посылается же къ ней Спаситель съ Ангелами своими сверстниками. А Ахамоѣ, говорятъ, устыдилась его и сперва отъ стыда наложила на себя покровъ, а потомъ, когда увидала его со всѣмъ его плодородіемъ, прибѣгла къ нему, получивъ силу отъ его появленія. И онъ образовалъ ее, давъ ей образованіе по вѣдѣнію, и совершилъ врачеваніе ея страстей. Онъ отдѣлилъ ихъ отъ нея, но не оставилъ ихъ въ небреженіи (ибо не возможно было уничтожиться имъ, подобно страстямъ первоначальной Матери, потому что онѣ вошли уже въ привычку и въ силу), а напротивъ того, отдѣливъ ихъ особо, слилъ вмѣстѣ, сплотилъ, и изъ духовной страсти превратилъ оныя въ чуждое тѣлесности вещество; потомъ придалъ имъ способность и свой-

ство входить въ составы и въ тѣла; такъ что произошли двѣ сущности: худая отъ страстей, и другая страстная отъ обращенія Ахамоеы. И посему въ сущности валентиніане усвояють зиждительство Спасителю, а объ Ахамоеѣ учать, будто она, освободясь отъ страсти, и въ радости начавъ разсматривать бывшіе съ нимъ свѣты, то есть явившихся со Спасителемъ Ангеловъ, и разгорѣвшись къ нимъ похотию, породила плоды по подобію ихъ, то есть духовное порожденіе, составившееся по подобію спутниковъ Спасителя.

Гл. 20. И такъ, когда, по словамъ валентиніанъ, три сіи: происшедшее отъ страсти, то есть вещество, послѣдствіе обращенія, то есть душевное, и порожденіе Ахамоеы, то есть духовное, имѣли уже мѣсто; тогда она обратилась къ образованію ихъ. Но духовнаго образовать не смогла, потому что оно было единосущно съ нею; обратилась же къ образованію душевной сущности, происшедшей отъ ея обращенія, и извела на свѣтъ Спасительвы уроки. И во первыхъ, говорятъ, изъ душевной сущности она образовала Отца и царя всему, какъ единосущному съ нимъ, то есть душевному, что называютъ они деснымъ, такъ и происшедшему отъ страсти и вещества, что называютъ шуимъ. Ибо все, что послѣ Него, какъ сказываютъ, образовалъ онъ, приводимый непримѣтно въ движеніе Матерью, почему

называютъ его и матере-отцемъ, и неимѣющимъ отца, и Диміургомъ, и Отцемъ, именуя Отцемъ деснаго, то есть душевнаго, и Зиждителемъ (Диміургомъ) шуіаго, то есть вещественнаго, царемъ же вообще всего. Ибо говорятъ, что это Помышленіе, желая дѣлать все въ честь эоновъ, сотворило подобія ихъ, лучше же сказать, сотворилъ Спаситель при посредствѣ Помышленія, и соблюлъ самое Помышленіе невѣдомымъ Диміургу во образъ невидимаго Отца, а Диміурга сдѣлалъ образомъ едиnorodнаго сына, образами же прочихъ эоновъ—Архангеловъ и Ангеловъ, получившихъ бытіе отъ Диміурга. По сему, говорятъ, будучи творцемъ всего душевнаго и вещественнаго, содѣлался онъ отцемъ и Богомъ сущаго внѣ Плиромы; потому что привелъ въ раздѣльность двѣ слитыя сущности, изъ безтѣлеснаго произвелъ тѣла, создалъ небесное и земное; сталъ Зиждителемъ вещественнаго и душевнаго, деснаго и шуіаго, легкаго и тяжелаго, стремящагося выспръ и долу преклоннаго. Онъ уготовалъ семь небесъ, по верхъ которыхъ, по словамъ ихъ, Диміургъ, и потому называютъ его седмерицею, а мать Ахамоеъ осмерицею, сохраняющею за собою число началородной и первой осмерицы Плиромы. О семи же небесахъ говорятъ, что они разумны, и предполагаютъ, что они Ангелы; да и самъ Диміургъ также Ангелъ, но по-

добный Богу, какъ и о раѣ утверждаютъ, что, находясь на третьемъ небѣ, по силѣ онъ четвертый Архангелъ, и обитавшій въ немъ Адамъ заимствовалъ отъ него нѣчто. Но хотя Диміургъ думалъ, говорятъ они, что уготовалъ это самъ собою, однакожъ творилъ потому, что тоже самое приводила въ бытіе Ахамоѣ. Онъ сотворилъ небо, не зная, что такое небо; создалъ человѣка, не зная, что такое человѣкъ; привелъ въ видимость землю, не познавая, что такое земля; а также и о всемъ, говорятъ, не зналъ онъ идей того, что творилъ, не зналъ и самой Матери, а думалъ, что все это—онъ самъ одинъ. И причиною этого мнѣнія, по словамъ ихъ, была его Матерь, восхотѣвшая выставить его такимъ главою и началомъ собственной сущности и господиномъ всего хода дѣла. А Матерь сію называютъ и Осмерицею и Премудростию и Землею и Иерусалимомъ и Святымъ Духомъ и Господомъ въ мужескомъ родѣ; занимаетъ же она мѣсто въ средищѣ: выше Диміурга, и ниже или внѣ Плиромы, до скончанія.

Гл. 21. И такъ, поелику, по словамъ ихъ, вещественная сущность составляется тремя страстями: страхомъ, печалію и замѣшательствомъ, а душевное получило составъ отъ страха и обращенія; то думаютъ, что въ слѣдствіе обращенія возымѣлъ бытіе Диміургъ, а въ слѣдствіе страха—всякія прочія одушевленные

существа, какъ-то души безсловесныхъ животныхъ, звѣрей и человѣческія. Посему, говорятъ, Диміургъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ познанію чего либо духовнаго, подумалъ, что самъ Онъ одинъ Богъ, и сказалъ устами пророковъ: *Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Мене* (Иса. 46, 9.). А отъ печали, какъ учатъ валентиніане, произошли духи злобы; отсюда возымѣли бытіе діаволъ, котораго называютъ они и Міродержителемъ, бѣсы и Ангелы и всякая духовная злобная сущность. Но хотя Диміурга называютъ по душѣ сыномъ ихъ Матери, однако о Міродержителѣ говорятъ, что Онъ—тварь Диміурга, и что Міродержитель знаетъ превысшее его, потому что онъ духъ злобы, а Диміургъ, какъ душевный, не знаетъ. Матерь ихъ, по ихъ словамъ, обитаетъ въ пренебесномъ мѣстѣ, то есть въ срединѣ, а Диміургъ—на небесахъ, то есть въ седмирицѣ, Міродержитель же—въ нашемъ мірѣ. Учатъ, что отъ ужаса и замѣшательства, какъ отъ незначительнѣйшаго, произошли, какъ говорили мы прежде, тѣлесныя стихіи міра: земля по онѣмѣнію отъ ужаса, вода по причинѣ движенія, произведеннаго страхомъ, воздухъ по охлажденію съ печали; огонь же смертію и тлѣніемъ обнаруживаетъ сродство со всѣми ими, какъ и невѣдѣніе было скрыто въ трехъ страстяхъ. Выдаютъ также за опредѣленно извѣстное, будто Міроздатель сотворилъ и перстнаго человѣка, взявъ

не этой сухой земли, но невидимой сущности,—разліяннаго и текучаго вещества, и вдулъ въ него челоуѣка душевнаго, и это—челоуѣкъ, созданный по образу и по подобію: по образу онъ вещественъ и близокъ, но не единосущенъ съ Богомъ; а по подобію душевенъ, почему сущность его названа духомъ жизни, отъ духовнаго истеченія происходящимъ. Но въ послѣдствіи, говорятъ, возложилъ на него кожаную ризу (Быт. 3, 21.). Риза же, по словамъ ихъ,—эта чувственная плоть. А о порожденіи матери ихъ Ахамоуы, которое родила она отъ созерцанія окружающихъ Спасителя Ангеловъ, утверждаютъ, что, какъ единосущное съ матерью, духовное, и оно осталось невѣдомо Диміургу, и вложено въ челоуѣка тайно, безъ вѣдома Диміурга, чтобъ, бывъ чрезъ него посѣяно въ происшедшую отъ него душу и чревоносимо въ этомъ вещественномъ тѣлѣ, и въ нихъ возрасши, сдѣлалось готовымъ къ пріятію совершеннаго слова. Посему, какъ говорятъ, по неизреченному промысленію, утаенъ отъ Диміурга всѣянный Премудростію вмѣстѣ съ его дуновеніемъ духовный челоуѣкъ; потому что Диміургъ не зналъ какъ Матери, такъ и сѣмени ея, которое само, говорятъ они, есть Церковь, образъ церкви горней. И думаютъ, что это и составляетъ въ нихъ челоуѣка, такъ что душу имѣютъ они отъ Диміурга, тѣло отъ персти, плоть изъ

вещества, а духовнаго челоуѣка отъ матери Ахамоѣы.

Гл. 22. Изъ сихъ трехъ вещественное, которое называютъ и шуиимъ, по необходимости, какъ говорятъ, гибнетъ, потому что совсѣмъ не можетъ принять дыханія нетлѣннѣя; душевное, которое называютъ и деснымъ, какъ среднее между духовнымъ и вещественнымъ, поступить туда, куда пріобрѣтеть склонность; а духовное посылается сюда, чтобы образоваться здѣсь, живя въ союзѣ съ душевнымъ, и поучаясь въ обращеніи съ нимъ. И это, говорятъ, есть *соль* и *свѣтъ міра* (Матѣ. 5, 13. 14.). Душевному нужны были и чувственные уроки. Для того, говорятъ, уготованъ и міръ, и Спаситель пришелъ къ сему душевному, чтобы спасти его, потому что оно и свободно. Ибо, говорятъ, принялъ на себя начатки того, что подлежало ему спасти, отъ Ахамоѣы облеченъ въ духовнаго, а отъ Диміурга въ душевнаго Христа, а по домостроительству обложенъ тѣломъ, имѣющимъ душевную сущность, и уготованнымъ съ несказаннымъ искусствомъ къ тому, чтобы сдѣлаться и видимымъ и осязаемымъ, и причастнымъ страданію. А вещественнаго, говорятъ, не принялъ Онъ ничего, потому что вещество неспособно принять спасеніе. А конецъ будетъ тогда, когда образуется и совершится въ вѣдѣніи все духовное, то есть духовные люди, имѣющіе совершенное вѣдѣніе о Богѣ и по-

священные въ таинства Ахамоѣы. Таковыми же почитаютъ себя. А душевное обученіе получили душевные люди, опирающіеся на дѣла и простую вѣру и не имѣющіе совершеннаго вѣдѣнія. Это, какъ говорятъ, мы принадлежащіе къ церкви; потому-то, какъ утверждаютъ, и необходима намъ добрая дѣятельность, ибо иначе не возможно спастись. О себѣ же самихъ рѣшительно учатъ, что во всякомъ случаѣ и непременно спасутся, не дѣлами, но потому, что по природѣ духовны. Ибо, какъ перстному не возможно стать причастнымъ спасенія (ибо, по словамъ ихъ, не способно къ спасенію), такъ опять духовное, какимъ думаютъ быть сами, не можетъ сдѣлаться доступнымъ тлѣнію, до какихъ бы ни низошли они дѣяній. Ибо какъ золото, положенное въ грязи, не теряетъ своей красоты, но сохраняетъ природное свое достоинство, и грязь не можетъ ничего дурнаго причинить золоту: такъ и они, по ихъ словамъ, до какихъ ни унизятся вещественныхъ дѣяній, нисколько не потерпятъ вреда, и не утратятъ духовности.

Гл. 23. Потому совершеннѣйшіе изъ нихъ необязанно дѣлаютъ и все запрещенное, о чемъ писанія утверждаютъ, что *творящіи* это *царствія Божія не насльдятъ* (Гал. 5, 21.). Ибо безъ разбора ѣдятъ идоложертвенное, думая, что нисколько не осквернятся симъ, и на всякое праздничное увеселеніе язычниковъ, совершае-

мое въ честь идоловъ, сходятся первые, такъ что нѣкоторые изъ нихъ не воздерживаются и отъ ненавистнаго Богу и людямъ зрѣлица борьбы со звѣрями и человѣкоубійственнаго единоборства. А другіе до пресыщенія работаютъ плотскимъ наслажденіямъ и говорятъ, что воздають плотское плотскому, а духовное духовному. И одни изъ нихъ тайно растлѣваютъ слушающихъ у нихъ это ученіе женщинъ, какъ неоднократно многія женщины, обольщенные нѣкоторыми изъ нихъ, и потомъ обратившіяся въ церковь Божию, вмѣстѣ съ прочими заблужденіями, исповѣдали и это; а другіе и явно, потерявъ стыдъ, и сманивъ отъ мужей женъ, которыхъ полюбили, брали ихъ себѣ въ сожительницы. А иные, сначала притворяясь, что живутъ честно, какъ съ сестрами, съ теченіемъ времени обличали себя, когда сестра дѣлалась беременна отъ брата. И дѣлая много инаго мерзкаго и безбожнаго, насъ, страхомъ Божиимъ хранимыхъ отъ согрѣшенія даже мыслію и словомъ, обѣгаютъ, какъ невѣждъ и ничего не знающихъ; а самихъ себя превозносятъ, называя совершенными и сѣменами избранія. О насъ говорятъ, что приедемъ благодать заимообразно, почему она и отнимется у насъ, а о себѣ, что имѣютъ въ собственность приобрѣтенную благодать, снисшедшую свыше отъ неизреченной и неизмеримой четы, и потому благодать приложится

имъ. Посему должно имъ всегда всѣми способами поучаться таинству этой четы. И къ этому убѣждаютъ неразумныхъ, говоря буквально такъ: «кто, бывъ въ мірѣ, не любилъ женщины, такъ чтобы она была въ обладаніи у него, тотъ не отъ истины, и не получить доступа къ истинѣ; также кто, будучи отъ міра, въ обладаніи у женщины, тотъ не получить доступа къ истинѣ, потому что обладаетя женскою похотью». Посему-то о насъ, которыхъ именуютъ душевными, говорятъ, что мы принадлежимъ міру, и намъ необходимы воздержаніе и добрыя дѣла, чтобы съ помощію ихъ войти въ среднее мѣсто; а имъ, называемымъ духовными и совершенными, какъ говорятъ, нимаго сіе ненужно, потому что въ Плирому вводитъ не дѣятельность, а сѣмя, отгуда сообщаемое въ незрѣломъ состояніи и достигающее совершенства здѣсь. Когда же всякое сѣмя достигнетъ совершенства, тогда, говорятъ, Ахамоѣъ, мать ихъ, переносится изъ средняго мѣста, входитъ внутрь Плиромы, и воспріемлетъ своего жениха, — отъ всѣхъ происшедшаго Спасителя, и составляется чета Спасителя и Премудрости Ахамоѣы; это—женихъ и невѣста, а брачный чертогъ—вся Плирома. Духовные же, совлекшись душъ, и ставъ умными духами, невозбранно и невидимо вошедши внутрь Плиромы, сдѣлаются невѣстами Ангеловъ, окружающихъ Спасителя. Самъ Диміургъ пере-

ходить на мѣсто Матери Премудрости, то есть, на мѣсто среднее. Души праведныхъ упокоиваются также въ среднемъ мѣстѣ; потому что ничто душевное не входитъ внутрь Плиромы.

Гл. 24. По совершении этаго, учать валенти-
ніане, таящійся въ мірѣ огонь воспламенится, возгорится, потребитъ всякое вещество, и съ нимъ вмѣстѣ истребится и обратится въ ничто. А Диміургъ, какъ утверждаютъ они, ничего этаго не зналъ до пришествія Спасителя. Иные же изъ нихъ говорятъ, что отъ Диміурга произошелъ Христосъ, его собственный Сынъ, но душевный, и Диміургъ говорилъ о немъ чрезъ пророковъ; это—Христосъ, прошедшій чрезъ Марію, какъ вода проходитъ чрезъ трубу, и на него при крещеніи сошелъ въ видѣ голубя принадлежащій Плиромѣ и происшедшій отъ всѣхъ Спаситель. Во Христѣ было также и духовное сѣмя Ахамоѣы. Посему говорятъ, что Господь нашъ, соблюдая въ себѣ образъ родоначальной и первой четверицы, сдѣлался сложенымъ изъ сихъ четырехъ: изъ духовнаго, чтó было отъ Ахамоѣы, изъ душевнаго, чтó было отъ Диміурга, изъ домостроительства, чтó было приуготовлено съ неизреченнымъ искусствомъ, и изъ Спасителя, которымъ былъ сошедшій на него голубь. И сей Спаситель пребылъ не причастенъ страданію (ибо Ему, неодолимому и невидимому, не возможно было пострадать); и потому, когда Христосъ

приведенъ былъ къ Пилату, взялся отъ Него почивавшій на Немъ духъ. Да и Матернее сѣмя, говорятъ, не страдало; потому что и оно не причастно страданію, какъ духовное и невидимое даже Диміургу. Пострадалъ же, по ихъ словамъ, душевный Христосъ, таинственно приуготованный по домостроительству, чтобы Матерь могла показать въ немъ образъ онаго горняго Христа, простершагося на крестѣ и давшаго Ахамоѣ образованіе по сущности. Ибо все это, по словамъ еретиковъ, служитъ образомъ онаго. О душахъ, имѣющихъ въ себѣ сѣмя Ахамоѣы, говорятъ, что онѣ лучше прочихъ; почему и больше другихъ возлюблены Диміургомъ, который, не зная причины, почему онѣ таковы, думаетъ, что онѣ таковы отъ него. Посему, говорятъ, Онъ и поставлялъ ихъ пророками, священниками и царями. И многое, сказанное пророками, какъ рассказываютъ еретики, происходитъ отъ сего сѣмени, какъ естества высшаго. Но многое, говорятъ, и Матерь изрекла о горнемъ, чрезъ это же сѣмя и души, въ которыхъ оно было. И наконецъ разсѣкаютъ пророчества, думая, что иное сказано Матерью, иное сѣменемъ, а иное Диміургомъ. Да и Иисусъ также, говорятъ, изрекъ иное отъ Спасителя, иное отъ Матери, и иное отъ Диміурга, какъ покажемъ еще это въ продолженіи нашего слова. Диміургъ же, говорятъ, не зная того, что выше его, хотя

приводимъ былъ въ движеніе сказуемымъ, но пренебрегалъ тѣмъ, приписывая изрекаемое то той, то другой причинѣ: или пророчествующему духу, имѣющему нѣкое и свое собственное движеніе, или человѣку, или вмѣшательству злонамѣренныхъ, и продолжалъ оставаться въ этомъ невѣдѣніи до пришествія Господня. По пришествіи же Спасителя, по словамъ еретиковъ, отъ Него дозналъ все, и радъ былъ присоединиться къ Нему со всею своею силою, и онъ есть тотъ упоминаемый въ Евангеліи сотникъ, который говорилъ Спасителю: и я имѣю подъ властію своею воиновъ и рабовъ, и если что прикажу, они дѣлаютъ (Матѣ. 8, 9.). Онъ будетъ продолжать управленіе міромъ до надлежащаго времени, болѣе всего изъ попеченія о церкви, а также и потому, что знаетъ объ уготованной ему наградѣ, а именно, что войдетъ въ мѣстопробываніе Матери.

Гл. 25. Валентиніане утверждаютъ, что людей три рода: духовный земный, душевный, соответственно тому, какъ были Каинъ, Авель и Сиѣъ, а по этому и три естества, но не въ каждомъ порознь, а вообщемъ. Земное, учатъ они, обращается въ тлѣніе; душевное же, если избереть лучшее, упокоится въ среднемъ мѣстѣ, если же худшее, то и само поступитъ въ подобное тому; а духовныя, съ того времени донынѣ посѣваемыя Ахамовою въ души праведныя, послѣ обученія и воспитанія здѣсь, такъ какъ посылаются сюда во

младенчествѣ, достигаютъ потомъ совершенства, и отданы будутъ въ невѣсты Ангеламъ Спасителя, между тѣмъ самыя души необходимо всегда будутъ покоиться въ срединѣ съ Диміургомъ. И дѣля опять самыя души, говорятъ, что однѣ изъ нихъ по природѣ добрыя, а другія по природѣ злыя; добрыя тѣ, которыя бывають способны принять сѣмя, а по природѣ злыя тѣ, которыя ни когда немогутъ принять онаго сѣмени.

Гл. 26. (д) Имѣя у себя такое начало, о которомъ ни пророки не проповѣдали, ни Господь не училъ, ни апостолы не предали, они всѣми мѣрами хвалятся, что знаютъ больше другихъ, вычитавъ въ неписанныхъ книгахъ; и взявшись, по пословицѣ, изъ песку вить веревки, покушаются къ сказанному ими приладить и достовѣрное, какъ-то: Господни притчи, или пророческія изреченія, или апостольскія слова, чтобы вымыслъ ихъ не казался неимѣющимъ свидѣтельства. Оставляя въ сторонѣ порядокъ и связь писаній, и сколько можно, разрывая члены истины, переставляютъ и переименовываютъ, и изъ одного дѣлая другое,

(д) У св. Ефрема Сиріина въ сочиненіи „о добродѣтели десять главъ“ гл. 8 (по моск. изданію русскаго перевода 1858 г. т. 1. стр. 433. 434) приводится вся эта глава почти сполна, съ такимъ предвареніемъ: „прекрасно и сильно выразился нѣкто изъ святыхъ, такъ уча и говоря“.

обольщаютъ многихъ чѣмъ-то нескладно составленнымъ изъ собранныхъ вмѣстѣ словъ Господнихъ. Какъ если кто, взявъ царское изображеніе, прекрасно и тщательно составленное умнымъ художникомъ изъ отличныхъ мелкихъ камней, и уничтоживъ представленный видъ чловѣка, переставитъ и приведетъ въ другой видъ сіи камни, и сдѣлаетъ изъ нихъ образъ пса или лисицы, и объ этомъ негодномъ произведеніи вздумаетъ потомъ дать отзывъ и скажетъ: «вотъ то самое прекрасное царское изображеніе, которое произвелъ умный художникъ», указывая при семъ на камни, изъ которыхъ первымъ художникомъ сдѣлано было прекрасное царское изображеніе, а послѣднимъ дурное изображеніе пса, и указаніемъ на камни станетъ обманывать и увѣрять неопытныхъ, не имѣющихъ понятія о царскомъ лицѣ, что этотъ гнусный видъ лисицы есть то самое прекрасное изображеніе царя; такъ подобнымъ сему образомъ и эти люди сшиваютъ бабій басни, потомъ собираютъ оттуда и отсюда слова, изреченія и притчи, и хотятъ съ своими баснями сообразовать словеса Божіи. — Что прилагаютъ они къ признаваемому ими внутри Пиромы, мы сказали.

Гл. 27. А къ тому, что, по ихъ словамъ, въ Пиромы, покушаются они приспособить изъ писаній слѣдующее. Господь, говорятъ, для того пришелъ на страданіе въ послѣднія

времена міра, чтобы указать на страсть послѣдняго изъ эоновъ, и Своею кончиною обнаружить конецъ запутанности дѣлъ у эоновъ. А та двенадцатилѣтняя дѣвица, дочь начальника синагоги, которую Господь, приступивъ къ ней, воздвигъ изъ мертвыхъ, объясняютъ они, служитъ образомъ Ахамоеы, которую распростертый ихъ Христосъ образовалъ и привелъ въ ощущение оставившаго ее свѣта. А что Спаситель явился ей, когда была внѣ Плиромы въ положеніи выкидыша, объ этомъ, говорятъ, Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ сказалъ: *послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ* (1 Кор. 15, 8.). Подобно сему пришествіе Спасителя къ Ахамоеѣ съ сверстниками открылъ онъ въ томъ же посланіи, сказавъ: должно женѣ покрывало *имѣти на главѣ Ангелъ ради* (11, 10.). А что Ахамоеѣ, когда шель къ ней Спаситель, отъ стыда надѣла покрывало, это сдѣлалъ явнымъ Моисей, полагая *покровъ на лице свое* (Исх. 34, 35.). И страсти ея, которыми она страдала, утверждаютъ еретики, назнаменовалъ Господь на крестѣ; а именно: словами: *Боже Мой, Боже Мой, почто оставилъ еси Мя* (Марк. 15, 34.), означилъ оставленіе Премудрости свѣтомъ и возбраненіе ей стремленія впередъ Предѣломъ; а печаль ея означилъ словами: *прискорбна есть душа Моя* (Матѹ. 26, 38), страхъ—словами: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ Мене чаша* (ст. 39.), а также и замѣшательство

словами: *и что реку?* не знаю (Иоан. 12, 27.) На три же рода людей, учать они, Онъ указалъ такъ: на вещественный указалъ, когда говорившему: *иду по тебѣ*, отвѣчалъ: *не имать Сынъ человеческій идѣ главу поклонити* (Лук. 9, 57. 58.); на душевный, когда сказавшему: *иду по Тебѣ: прежде же повели ми отвѣщатися* домашнимъ, отвѣчалъ: *никтоже на рало руку возложь, и зря вспясть, управленъ есть въ царствіи небесномъ* (Лук. 9, 61. 62.), ибо о семъ человекѣ говорятъ, что онъ изъ среднихъ. А также и тотъ, который исповѣдалъ о себѣ, что исполнилъ весьма много дѣлъ праведности, а потомъ не захотѣлъ послѣдовать, но, побѣжденный богатствомъ, не сдѣлался совершеннымъ, по ихъ мнѣнію, былъ душевнаго же рода. Духовный же родъ, говорятъ они, Господь означилъ словами: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы: ты же шедъ възвѣщай царствіе Божіе* (Лук. 9, 60.), и тѣмъ, что сказалъ мытарю Закхею: *потщався слъзи: днесъ бо въ дому твоємъ подобаетъ Ми быти* (Лук. 19, 5.); ибо эти люди, какъ возвѣщаютъ еретики, были духовнаго рода. И притча о квасѣ, его же жена, какъ сказано, *скры въ сатльхъ трехъ муки* (Матѣ. 13, 33), указываетъ, по словамъ ихъ, на три рода: ибо женою, по ученію ихъ, называется Премудрость; тремя сатами муки—три рода людей: духовный, душевный, земный; квасомъ же, по ихъ ученію, названъ самъ Спаситель. И Павелъ, говорятъ,

раздѣльно говорить о земныхъ, душевныхъ и духовныхъ: то: *яковъ перстный, такови и перстни* (1 Кор. 15, 48.); то: *душевенъ человекъ не пріемлетъ яже духа* (1 Кор. 2, 14); то: *духовный востязуетъ вся* (1 Кор. 2, 15.). Слова же: *душевенъ не пріемлетъ яже духа*, говорятъ, сказаны о Диміургѣ, который, какъ душевный, не зналъ ни Матери, которая духовна, ни ея сѣмени, ни эоновъ Плиромы. А о томъ, что Спаситель воспріялъ начатки тѣхъ, кого имѣлъ спасти, Павелъ, учать еретики, сказалъ: *ачели начатокъ святъ, то и припѣшеніе* (Рим. 11, 16.); и начаткомъ названо духовное, а примѣшеніемъ названнымы, то есть, душевная церковь, которую, какъ тѣсто, по ихъ словамъ, пріялъ Спаситель, и поднялъ Собою, потому что былъ квасомъ.

Гл. 28. И то, что Ахамоеъ блуждала внѣ Плиромы, получила образованіе отъ Христа, и была взыскана Спасителемъ, указано, говорятъ, Имъ Самимъ, когда сказалъ Онъ, что пришелъ къ заблудшей овцѣ; ибо овцею заблудшею, по ихъ изъясненію, называется ихъ Матерь, которою, какъ думаютъ, посѣяна здѣшняя Церковь, а блужданіемъ—пребываніе внѣ Плиромы, среди всѣхъ тѣхъ страстей, отъ которыхъ, по ихъ предположенію, произошло вещество. А женщиною, метущею *храмину* и обрѣтающею *драхму* (Лук. 15, 8.), названа, по ихъ изъясненію, вышняя Премудрость, которая, *погубивъ* свое помышленіе, обрѣтаетъ оное

потомъ , по очищеніи всего пришествіемъ Спасителя; потому что и помышленіе, по мнѣнію ихъ, возвращается внутрь Плиромы. Сумеонъ, взявшій Христа *на руку*, и возблагодарившій Христа и рекшій: *иынь отпуцаеши раба Твоею, Владыко, по глаголу Твоему, съ мироу* (Лук. 2, 28. 29.), говорятъ, есть образъ Диміурга, который по пришествіи Спасителя, узналъ о своемъ преставленіи, и возблагодарилъ Глубину. И Анна пророчица, о которой возвѣщаетъ Евангеліе, *жившая съ мужемъ седьмь лѣтъ*, а все остальное время пребывавшая вдовою до времени, когда, увидѣвъ Спасителя, узнала его, и *глаголаше о немъ всьмъ* (Лук. 2, 36—38.), утверждаютъ они, весьма ясно указываетъ на Ахамоѳу, которая, не много видѣвши Спасителя съ его сверстниками, во все остальное время оставалась въ срединѣ и ожидала, когда Онъ опять придетъ, и возстановитъ ее въ ея четѣ. Имя же ея означено Спасителемъ въ словахъ: *и оправдися премудрость отъ чадъ своихъ* (Лук. 7, 35.), а равно и Павломъ такъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ* (1 Кор. 2, 6.). Павелъ, какъ утверждаютъ, при одномъ случаѣ изрекъ указаніе и на четы, которыя внутри Плиромы; ибо, пиша о житейской четѣ, сказалъ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и Церковь* (Ефес. 5, 32.).

Гл. 29. Еще учать, что ученикъ Господень

Иоаннъ указалъ на первую осмерицу, говорятъ же буквально такъ: «ученикъ Господень Иоаннъ, желая сказать о происхожденіи всего, о томъ, какъ Отецъ привелъ все въ бытіе, предполагаетъ нѣкое *начало*, прежде всего рожденное Богомъ, которое называетъ и Сыномъ, и еди-
 нороднымъ Богомъ, въ которомъ Отецъ произвелъ все въ видѣ сѣмени; а симъ началомъ, говоритъ, произведено *Слово*, и въ немъ вся сущность эоновъ, которую въ послѣдствіи образовало Само Слово. Итакъ поелику говоритъ о первомъ приведеніи въ бытіе; то умѣстно ведетъ ученіе отъ начала, то есть, отъ Сына и Слова. Говоритъ же такъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ въ началѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1.2.). Различивъ сперва трехъ: Бога, начало и Слово, опять соединяетъ ихъ, для того, чтобы показать и происхожденіе каждаго изъ двухъ, то-
 есть, и Сына и Слова, и ихъ взаимное между собою, а вмѣстѣ и съ Отцемъ, единеніе: ибо въ Отцѣ и отъ Отца начало, а въ началѣ и отъ начала Слово. Посему хорошо сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово*, ибо было въ Сынѣ; и *Слово бѣ къ Богу*, ибо у Бога было и начало; и въ слѣдъ за симъ: *Богъ бѣ Слово*, ибо рожденное отъ Бога есть Богъ. *Сей бѣ въ началѣ къ Богу*,—показываетъ порядокъ происхожденія. *Вся Тьмъ быша, и безъ Него ничто же бысть* (ст. 3.), потому что Слово для всѣхъ

послѣдующихъ за нимъ эоновъ сдѣлалось виновникомъ образования и рожденія. Но *еже бысть въ Тъмъ*, говоритъ, *животъ* есть (ст. 3. 4.) (е); здѣсь указалъ и чету; ибо обо всемъ сказалъ, что оно *Тъмъ* было, а о жизни: *въ Тъмъ*; по сему жизнь, какъ бывшая въ немъ, по сравненію съ тѣмъ, что Имъ получило бытіе,—ближе къ Слову: она съ нимъ, и отъ него приноситъ плодъ, потому что Іоаннь, когда присовокупляетъ: *и животъ бѣ свѣтъ челоуѣкомъ*, то, сказавъ только о челоуѣкѣ, соименно съ челоуѣкомъ означилъ и Церковь для того, чтобы однимъ именемъ обнаружить общеніе четы, ибо отъ Слова и Жизни происходятъ челоуѣкъ и Церковь. А свѣтомъ челоуѣковъ назвала Жизнь, потому что они освѣщены ею, то есть образованы и явлены. О семъ же и Павелъ говорилъ: *все бо являемое, свѣтъ есть* (Ефес. 5, 13.). По сему такъ какъ Жизнь сдѣлала явными и родила Челоуѣка и Церковь, то и названа свѣтомъ ихъ. И такъ Іоаннь сими словами, кромѣ другаго, ясно указалъ и вторую четверицу: Слово и Жизнь, Челоуѣка и Церковь. Но и первую четверицу онъ означилъ; ибо, излагая ученіе о Спасителѣ, и говоря, что внѣ Пиромы все Имъ образовано, Его называетъ плодомъ всей Пиромы: говоритъ

(е) Такъ по своему и неправильно дѣлаютъ разгнанку словъ текста валентиніане, желая придать имъ смыслъ, благоприятствующій ихъ заблужденію.

о немъ, что Онъ *свѣтъ во тмѣ* свѣтящійся и ею не объятый (Іоан. 1, 5.), потому что, устроивъ все, происшедшее отъ страсти, остался устроенному Имъ неизвѣстенъ; а также называетъ Его сыномъ, и истиною, и жизнію, и словомъ, ставшимъ плотію,—котораго славу, говоритъ, мы видѣли, и была слава Его такова, какова была слава единороднаго, отъ Отца данная ему, полна благодати и истины. Говоритъ же такъ: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Ею, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истинь* (ст. 14.). И такъ Іоаннъ въ точности указаль и первую четверицу, сказавъ объ Отцѣ, Благодати, Единородномъ, и Истинѣ. Такъ Іоаннъ сказаль о матери всѣхъ эоновъ—первой осмерицѣ; ибо говоритъ объ Отцѣ, Благодати, Единородномъ, Истинѣ, Словѣ, Жизни, Человѣкѣ, Церкви».

Гл. 30. Видишь, возлюбленный, способъ, какимъ еретики обольщаютъ свои умы, насилуя писанія и покушаясь ими подтвердить свой вымысль. Для сего-то я и предложилъ самыя ихъ слова, чтобы изъ нихъ ты понялъ хитрость ихъ козней и лукавство ихъ заблужденія. Ибо во первыхъ, если бы Іоанну предлежало указать вышнюю осмерицу, то онъ соблюлъ бы порядокъ происхожденія, и первую четверицу,—самую досточтимую, какъ говорятъ они, поименовалъ бы въ первыхъ сло-

вахъ, а потомъ присоединилъ бы вторую, чтобы порядкомъ именъ былъ показанъ порядокъ осмерицы, а не сталъ бы поминать о первой четверицѣ напоследокъ, послѣ такого промежутка, какъ будто позабывъ, но потомъ припомнивъ. А при томъ, намѣреваясь означить и четы, не пропустилъ бы имени Церкви; но или, для сохраненія единства повсюду, и при прочихъ четахъ удовольствовался бы наименованіемъ мужскихъ эоновъ, потому что и при нихъ равно могли бы подразумѣваться женскіе, или, если бы перечислилъ супругъ въ прочихъ четахъ, то объявилъ бы и о супругѣ Человѣка, а не предоставилъ бы намъ добираться до ея имени гаданіями. Итакъ очевидна поддѣльность сего объясненія. Іоаннъ возвѣщаетъ единого Бога вседержителя, и единого Единородного — Христа Іисуса; о Немъ говорить, что *вся Тьма быша*, что Онъ Сынъ Божій, Онъ — Единородный, Онъ — Творецъ всего, Онъ — *святъ истинный*, просвѣщающій всякаго чловѣка (Іоан. 1, 9.), Онъ — Творецъ міра, Онъ *во своя прииде* (11.), Онъ Самый *плоть бысть, и вселися въ ны*; а они, превратно изъясняя по своему вѣроятію, хотятъ, чтобы одинъ былъ Единородный по происхожденію, Котораго называютъ и началомъ, а иной былъ Спаситель, и чтобы иное было Слово — сынъ единороднаго, и иной былъ Христость, произведенный для возстановленія Пли-

ромы. И каждое изъ сихъ реченій отнявъ у истины, и злоупотребляя именами, приспособили къ собственному предположенію, такъ что у нихъ Іоаннъ въ столькихъ словахъ не дѣлаеть упоминанія о Господѣ Іисусѣ Христѣ: потому что, если говорилъ объ Отцѣ, Благодати, Единородномъ, Истинѣ, Словѣ, Жизни, Человѣкѣ и Церкви, то, по предположенію валентиніанъ, говорилъ о первой осмерицѣ, въ которой еще нѣтъ Іисуса, нѣтъ Христа, учителя Іоаннова. Но что апостоль говорилъ не о четахъ ихъ, а о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, о Которомъ зналъ, что Онъ есть Слово Божіе, это онъ самъ сдѣлалъ явнымъ: потому что, сводя въ одно сказанное выше о *Словѣ въ началѣ*, прибавляетъ объясненіе: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны*. А по ихъ предположенію, не Слово сдѣлалось плотію, потому что оно не исходило никогда внѣ Плиромы, но Спаситель домостроительства, по бытію позднѣйшей Слова.

Гл. 31. И такъ научитесь неразумные, что Слово Божіе есть сей самый Іисусъ, Который пострадалъ за насъ, Который вселился между нами. Ибо если бы иной какій изъ эоновъ сдѣлался плотію ради нашего спасенія; то апостолу слѣдовало сказать о другомъ. Если же *Сшедый, Той есть и восшедый* (Еф. 4, 10.), то есть, Слово Отчее, Единородный Сынъ единого Бога, по благоволенію Отца воплотив-

шійся ради челоуѣковъ; то апостоль не объ
 номъ комъ, и не объ осмерицѣ ведетъ рѣчь,
 но о Господѣ Иисусѣ Христѣ. А по мнѣнію
 валентиніанъ, въ сущности Слово плотію и не
 дѣлалось; но они говорятъ, что Спаситель
 облекся въ душевное тѣло, по домостроитель-
 ству такъ устроенное неизреченнымъ про-
 мышленіемъ, чтобы сдѣлаться видимымъ и ося-
 заемымъ. А плоть есть, отъ начала составлен-
 ное Богомъ Адаму, образованіе изъ персти:
 и Іоаннъ объявляетъ, что сую плотію истинно
 стало Слово Божіе. И рушилась ихъ первая
 и родоначальная осмерица: ибо если оказы-
 вается, что одинъ и тотъ же есть и Слово, и
 Единородный, и Жизнь, и Свѣтъ, и Спаситель,
 и Христось, и Сынъ Божій, и Сей же Самый
 воплотился насъ ради, то рушилось зрѣлищ-
 ное строеніе осмерицы. А какъ скоро оно
 рушилось, падаетъ и все ихъ предположеніе.
 Но обольщенные имъ, какъ ложнымъ соннымъ
 мечтаніемъ, вторгаются въ Писанія, составивъ
 свое собственное предположеніе. Потомъ со-
 бирая разсѣянныя по мѣстамъ реченія и имена,
 переносятъ, какъ мы прежде сказали, изъ
 естественной связи въ неестественную, по-
 ступая подобно тѣмъ, которые, предложивъ
 себѣ самимъ какія либо задачи, пытаются по-
 томъ выполнить оныя по произведеніямъ Го-
 мера, такъ что неопытнымъ представляется,
 будто Гомеръ сложилъ стихи на эту, только-

что выполненную, задачу, и многіе складною послѣдовательностію стиховъ увлекаются къ мысли, не въ самомъ ли дѣлѣ Гомеръ такъ сочинилъ. Такъ поступилъ описывающій Гомеровыми стихами отправленіе Иракла Эврисею за адскимъ исомъ, а именно такъ (ибо ничто не препятствуетъ для примѣра упомянуть и это, потому что приемы у тѣхъ и другихъ сходны и одни и тѣже):

Это сказалъ, и, стелящаго жалобно,
 выслалъ изъ дому
 Мужа Иракла, свершителя подвиговъ
 чудныхъ,
 Мужъ Эврисеюй, Персеида Сѣенела
 потомокъ,
 Пса увести изъ Эрева отъ страшнаго
 Бога Аида.
 Вышелъ онъ въ путь, будто житель
 нагорный—левъ, силою гордый,
 Быстро чрезъ городъ; его провожали
 всѣ близкіе сердцу,
 Дѣвы младыя, и юноши, многострадаль-
 ные старцы,
 Плача по немъ неутѣшно, какъ будто
 на смерть отходящемъ.
 Подали жъ помощь и Эрміи и свѣтлая
 взоромъ Аѣина,
 Зная любезнаго брата, и какъ онъ въ
 душѣ озабоченъ (е).

(е) Всѣ эти стихи отрывочно взяты изъ разныхъ мѣстъ

Кто изъ безхитростныхъ не увлечется этими стихами, и не подумаетъ, что такъ сложилъ оныя Гомеръ о семь же самомъ? Но знающій содержаніе Гомеровыхъ пѣсней, стихи признаётъ, а содержанія не признаётъ; ибо ему извѣстно, что изъ этихъ стиховъ одинъ сказанъ объ Одиссеѣ, другой о самомъ Ираклѣ, иный о Приамѣ, а другій о Менелая и Агамемнонѣ; разнявъ эти стихи, и каждый изъ нихъ возвративъ въ собственное его мѣсто, онъ устранить это содержаніе. Такъ и неуклонно содержащій правило истины, которое принялъ въ крещеніи, признаётъ имена, реченія и притчи, взятая изъ писаній, но хульнаго ихъ приложенія не признаётъ (ибо хотя и узнаетъ камешки, но лисицу не приметъ за изображеніе царя); но каждое изреченіе возвративъ въ свою связь и примѣнивъ къ тѣлу истины, обнажитъ вымыслъ еретиковъ и покажетъ несостоятельность онаго.

Гл. 32. Поелику же въ этомъ зрѣлищѣ не достаётъ отпуска; то, чтобы иный въ заключеніе шутовства еретиковъ могъ привнести опровержительное слово, мы почли пристойнымъ напередъ показать, въ чемъ сами отцы

Одиссеи и Илиады Гомера, а именно: 1-й—Од. 10, 76; 2-й—Од. 21, 26; 3-й—Ил. 19, 123; 4-й—Ил. 4, 368; 5-й—Од. 6, 130; 6-й—Ил. 24, 327; 7-й—Од. 11, 38; 8-й—Ил. 24, 328; 9-й—Од. 11, 625; 10-й—Ил. 2, 409.

этой басни разнятся между собою, какъ бы происходя отъ различныхъ духовъ лестчихъ; потому что изъ сего, и прежде доказательства, весьма точно можно уразумѣть твердость истины, возвѣщаемой Церковію, и поддѣльность жесловесія еретиковъ. Ибо Церковь, хотя разсѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли, но приняла отъ апостоловъ и отъ учениковъ ихъ вѣру въ единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, и море, и все, что въ нихъ, и во единого Христа Иисуса, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія, и въ Духа Святаго, чрезъ пророковъ предвозвѣстившаго все домостроительство: и пришествіе, и рожденіе отъ Дѣвы, и страданіе, и воскресеніе изъ мертвыхъ и во плоти вознесеніе на небо возлюбленнаго Христа Иисуса Господа нашего, а также и пришествіе Его съ небесъ во славу Отчей, чтобы *возлavitъ всяческая* (Еф. 1, 10.), и воскресить всякую плоть всего человѣчества, да предъ Христомъ Иисусомъ, Господомъ нашимъ и Богомъ, Спасомъ и Царемъ, по благоволенію Отца невидимаго, *преклонится всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть* Его (Филип. 2, 10. 11.), и да сотворитъ Онъ праведный судъ о всѣхъ: духовъ злобы—Ангеловъ согрѣшившихъ и отпадшихъ, а также и нечестивыхъ, неправедныхъ, беззаконныхъ и богохульныхъ людей Онъ по-

шлетъ въ огонь вѣчный, напротивъ праведнымъ и святымъ, заповѣди Его соблюдавшимъ и въ любви къ Нему пребывавшимъ отъ начала или по раскаяніи, даруетъ жизнь, подастъ негнѣніе и сотворитъ вѣчную славу.

Гл. 33. Принявши сію проповѣдь и сію вѣру, Церковь, хотя и разсѣяна по всему міру, какъ сказали мы прежде, тщательно хранитъ, какъ бы обитая въ одномъ домѣ; одинаково вѣруетъ сему, какъ бы имѣя одну душу и одно сердце; согласно проповѣдуетъ это, учитъ и передаетъ, какъ бы у ней были одни уста. Ибо хотя въ мірѣ языки различны, но сила преданія одна и таже. Не иначе вѣрятъ, и не иное имѣютъ преданіе церкви, основанныя въ Германіи, въ Иверіи, у Кельтовъ, на востокъ, въ Египтѣ, въ Ливіи, и въ срединѣ міра. Но какъ солнце — сіе твореніе Божіе — во всемъ мірѣ одно и тоже: такъ и свѣтъ, то есть проповѣдь истины, вездѣ сіяетъ и просвѣщаетъ всѣхъ людей, желающихъ *въ разумѣ истины пріити* (1 Тим. 2, 4.). И ни весьма сильный въ словѣ изъ предстоятелей церковныхъ не скажетъ иного въ сравненіи съ симъ (ибо никто не выше *Учителя* (Мѡ. 10, 24.)), ни слабый въ словѣ не умалитъ преданія. Ибо, такъ какъ вѣра одна и таже, то и *уже многое* можетъ сказать о ней, *не преумножилъ есть, и уже малое, не умалилъ* (2 Кор. 8, 15.). А большее или меньшее знаніе нѣкоторыхъ, по мѣрѣ раз-

умѣнія состоитъ не въ измѣненіи самаго содержанія,—не въ томъ, чтобы измышляли иного Бога, кромѣ Создателя, Творца и Питателя сей вселенной, какъ будто не довольствуясь Имъ, или иного Христа, или иного Единороднаго; но въ томъ, что сказанное въ притчахъ изслѣдуютъ со всею тщательностію и соглашаютъ съ содержаніемъ вѣры, — въ томъ, что изъясняютъ ходъ дѣлъ въ домостроительствѣ Божіемъ о родѣ человѣческомъ; уясняютъ Божіе долготерпѣніе къ отступничеству преступныхъ Ангеловъ и къ преслушанію людей; возвѣщаютъ, почему одинъ и тотъ же Богъ сотворилъ одно—временное, другое—вѣчное, одно—небесное, другое—земное; уразумѣваютъ, почему Богъ, будучи невидимъ, являлся пророкамъ, и не въ одномъ видѣ, но различнымъ различно; указываютъ, почему было много завѣтовъ съ родомъ человѣческимъ, и учатъ, какое отличительное свойство каждаго изъ завѣтовъ; изслѣдуютъ, почему *затвори Богъ всьхъ въ противленіе, да всьхъ помилуетъ* (Рим. 11, 32.); благодарятъ за то, что Слово Божіе стало плотию и пострадало; возвѣщаютъ, почему пришествіе Сына Божія открылось въ послѣднія времена, то есть въ концѣ, а не въ началѣ; раскрываютъ, что изложено въ Писаніи о концѣ и о будущемъ; не умалчиваютъ и о томъ, почему не имѣвшіе упованія языки сотворилъ Богъ *снаслѣдниками и стѣлесниками и спри-*

частниками святыхъ (Еф. 3, 6.); провозвѣщаютъ, какъ *смертное сіе тѣло облечется въ бессмертіе, и тлѣнное въ нетлѣніе* (1 Кор. 15, 54.); проповѣдуютъ, почему *речетъ* Господь: *не людіе—людіе, и не возлюбленая—возлюблена* (Ос. 2, 23; Римл. 9, 25.), и почему многочисленнѣе *чада пустыя паче, нежели илюція мужа* (Ис. 54, 1.);—о семъ-то и подобномъ сему воскликнулъ апостоль: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Ею, и неизслѣдовани путіе Ею* (Рим. 11, 33.). Но не въ томъ знаніе, чтобы выше Творца и Зиждителя измышлять Ему и себѣ Матерь — Помышленіе блуждающаго эона, и доходить до толикой хулы, и не въ томъ, чтобы лгать и о превышающей еще сію Матерь Плиромѣ, состоящей то изъ тридцати, то изъ неизчислимаго племени эоновъ, какъ говорятъ эти учителя, по истинѣ лишенные Божественнаго разумѣнія: тогда какъ вся Церковь, по сказанному нами прежде, во всемъ мірѣ имѣетъ одну и ту же вѣру.

Гл. 34. Посмотримъ теперь и на непостоянство мнѣній ерессучителей, какъ они, хотя ихъ только двое или трое, говорятъ не одно и то же объ одномъ и томъ же, но противорѣчатъ и въ сущности дѣла, и въ именахъ. Ибо Валентинъ, первый образовавшій по началамъ, такъ называемой, гностической ереси свою особенную школу, издалъ такое опредѣленіе: есть

неименуемая Двоица, которой одна часть называется Неизреченнымъ, а другая Молчаніемъ. Потомъ ссю Двоицею произведена вторая Двоица, одну часть которой Валентинъ именуетъ Отцемъ, а другую Истиною. Эта четверица принесла плодъ: Слово и Жизнь, Человѣка и Церковь; это—первая осмерица. Словомъ и Жизнію, говоритъ Валентинъ, произведено десять силъ, какъ говорили мы прежде, а Человѣкомъ и Церковію—двенадцать силъ, изъ которыхъ одна отступившая и пришедшая въ состояніе недостатка совершала остальной рядъ дѣлъ. Предѣловъ Валентинъ предполагалъ два: одинъ между Глубиною и остальною Плиромою, разграничивающій рожденныхъ эоновъ отъ нерожденного Отца, другій, отдѣляющій ихъ Матерь отъ Плиромы. И о Христѣ предполагалъ, что произведенъ не зонами Плиромы, но Матерію, находившеюся внѣ Плиромы, по воспоминанію высшихъ благъ, и порожденъ ею съ какою-то тѣнью,—но, будучи мужескаго пола, отсѣкъ отъ себя эту тѣнь и востекъ въ Плирому; а Матерь, оставшись съ тѣнью и лишившись духовной сущности, произвела на свѣтъ другаго сына; это—Диміургъ, котораго Валентинъ называетъ и Вседержителемъ подчиненнаго ему. Валентинъ также, подобно лжеименнымъ гностикамъ, о которыхъ будемъ говорить, утверждалъ, что вмѣстѣ съ Диміургомъ произведенъ и шуйй

князь. Произведеніе Иисуса на свѣтъ приписывалъ иногда разліянному во всемъ, а Матерью ихъ задержанному, то есть Желанному, иногда же востекшему въ Плирому, то есть Христу, а иногда Человѣку и Церкви. И о Духѣ Святомъ говоритъ, что произведенъ Истиною, и невидимо входитъ къ зонамъ для разбора между ними и оплодотворенія ихъ, и зоны отъ него плодоносятъ насажденія истины.

Конецъ выпискѣ изъ книгъ Иринея о валентиніанахъ.

Гл. 35. Сіи-то и подобныя симъ пустыя мнѣнія, высказываемыя валентиніанами, перечислилъ вышеназванный мужъ, старецъ Иринеи, по всему украшенный Святымъ Духомъ, воздвигнутый Господомъ мужественный подвижникъ, умащенный небесными дарованіями истинной вѣры и вѣдѣнія, поразившій и преодолевшій все вздорное ученіе валентиніанъ. До послѣдней крайности довелъ онъ ихъ своими изобличеніями во второй по порядку своей книгѣ и въ другихъ, желая еще въ большей мѣрѣ предать униженію поверженнаго на землю и пораженнаго врага, предъ всѣми изъяснить свое торжество и обнаружить безстыдство и безсиліе вызова со стороны суетности поверженнаго. Мы же, удовольствовавшись не многими сказанными нами, и тѣмъ, что сказано и изложено писателями истины,

и видя, какъ потрудились другіе, разумѣю: Климентъ, Иринеи, Ипполитъ, и многіе другіе, составившіе достойныя удивленія опроверженія валентиніанъ, какъ сказалъ я прежде, не захотѣли много прибавлять къ этому труду, признавъ, что довольно сдѣланнаго вышеназванными мужами, и разсудивъ, что всякому разумному изъ самаго того, чему учать еретики, будетъ явно ихъ опроверженіе при помощи ихъ же самихъ.

Гл. 35. Во первыхъ это—потому, что мудрованія у нихъ различны, и одинъ обѣщаетъ разрушить мнѣнія другаго. Во-вторыхъ, ихъ баснотворства несостоятельны, потому что того нигдѣ не сказала Писаніе: не говоритъ ни законъ Моисеевъ, ни какой-либо пророкъ послѣ Моисея, а также ни Спаситель, ни Его евангелисты, а также и апостолы. Ибо, если бы еретики говорили истину, то Господь, пришедшій просвѣтити вселенную, и прежде Него пророки, а потомъ апостолы, избличавшіе идолослуженіе и всякое законопреступное дѣйствованіе, и небоявшіеся писать противъ всякаго законопреступнаго ученія и противленія, ясно возвѣстили бы намъ это, особенно же когда Самъ Спаситель говоритъ: *внѣшнимъ въ притчахъ*, а вамъ должно говорить притчами въ раскрытіе царствія небеснаго (Марк. 4, 11.). По крайней мѣрѣ, въ евангеліяхъ, сколько ни изрекъ притчей Спаситель, немедленно является разрѣшающимъ оныя; такъ, сказыв-

ваеть, и что такое *зерно горющично* (Марк. 4, 31. 34.), и что *квасъ* (Мѡ. 16, 11. 12.), и что *жена*, положившая закваску въ три мѣры (Мѡ. 13, 33.), что *виноградникъ*, что *смоковница*, что *сѣятель*, что *наилучшая земля*. И напрасно, возбуждаемые демонами, бѣснуются еретики; о нихъ говоритъ святѣйшій апостолъ Павелъ: *въ послѣдняя времена отступятъ ныщии отъ ученія, вземлюще баснямъ и ученіемъ бѣсовскиимъ* (1 Тим. 4, 1.); и еще святой Іаковъ, говорящій о такомъ ученіи, что *нѣсть сія премудрость свѣше нисходящи, но земля, душевна, бѣсовска. А яже свѣше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, благопокорлива, несумльнна, исполнь милости и плодовъ блаихъ*, и такъ далѣе (Іак. 3, 15. 17.). Сей премудрости ни одного плода не находится у тѣхъ, о которыхъ говорено было выше: ибо у нихъ *нестроеніе и всяка законопреступная вещь* (ст. 17.), порожденія демоновъ и шипѣнія драконовъ; въ различныя времена каждый изъ нихъ говоритъ различное и различно; и не милость и состраданіе находятся у нихъ, но разности въ сужденіяхъ и разногласія, и совсѣмъ нѣтъ чистоты, нѣтъ мира, нѣтъ кротости.

Гл. 37. Но хотя я и обѣщаль кончить, впрочемъ, понуждаемый словомъ, хочу еще припомнить и опровергнуть немногое изъ сказаннаго валентиніанами: потому что у меня

забота не объ искусствѣ слова, а о пользѣ читающихъ. Итакъ они говорятъ, что двенадцатый эонъ, пришедшій въ состояніе недостатка (*ὕβερσις*), совсѣмъ испалъ изъ числа двенадцати, и дванадечатное число изгбло. Это же, говорятъ, произошло и тогда, когда Іуда, также двенадцатый, испалъ изъ этого числа, и такимъ образомъ число двенадцать уничтожилось. Подобное сему говорятъ о кровоточивой и о потерявшей изъ десяти одну драхму. Но оказывается, что ни лице Іуды не можетъ представлять собою двенадцатый эонъ, какъ прежде сказано святѣйшимъ Иринеємъ (ибо Іуда совсѣмъ погибъ, а, такъ называемый ими, двенадцатый эонъ, по ихъ вымыслу, не упразднился, ибо ему предсталъ Преводитель или Предѣлоположникъ, сказавшій ему, какъ они сказываютъ: Іао, и отъ этого эонъ сей утвердился); ни двенадцать лѣтъ бывшая кровоточивою не представляетъ сходства съ воображаемымъ ими (ибо исцѣлена послѣ двенадцати лѣтъ страданія кровотеченіемъ, не одиннадцать лѣтъ провела безъ страданія и въ двенадцатомъ году стала страдать теченіемъ, но совершенно напротивъ одиннадцать лѣтъ страдала теченіемъ и на двенадцатомъ году исцѣлена); ни имѣвшая у себя десять драхмъ не теряла одной совсѣмъ, такъ чтобы можно было имъ баснословить о погибшемъ эонѣ вещества, но зажгла свѣтильникъ и нашла драхму.

Гл. 38. Итакъ изъ двухъ или трехъ этихъ словъ сынамъ разумѣнія и чадамъ святой вселенской Церкви Божіей будетъ понятно, какъ всѣ лицедѣйныя выдумки валентиніанъ тотчасъ же изобличаются въ безсилія и гнилости. Но чтобы, распространяясь объ однихъ и тѣхъ же, не продлить мнѣ своего труда въ безпредѣльность, полагаю конецъ, до сего замѣчанія продолжавшемуся, воспоминанію о столь негодномъ ихъ ученіи, и перейду къ слѣдующему по порядку, призывая Бога быть путеводителемъ и помощникомъ нашей немощи, чтобы спастись отъ сей, и отъ преждепомянутыхъ ересей, и отъ тѣхъ, которыя еще будутъ объясняемы любознательнымъ и желающимъ въ точности знать, какія есть въ мірѣ суесловія и несостоятельные догматы. Сей назвавшій себя гностикомъ, всѣявъ во многихъ свои грезы, можно сказать, связалъ много скорпіоновъ въ одну цѣнь, какъ древняя съдѣйствительности взятая притча говоритъ, что скорпіоны, цѣпляясь одинъ за другаго какъ бы цѣпью, числомъ до десяти и болѣе, спускаются съ кровли или потолка дома и такъ коварно причиняютъ вредъ людямъ. Такъ и Валентинъ и назвавшіеся въ слѣдъ за нимъ гностиками дѣлались родоначальниками заблужденія; и хотя они заимствовали предлоги къ заблужденію у Валентина, но каждый изъ нихъ послѣ учителя, бывъ ученикомъ еще другаго,

дѣлалъ приращеніе заблужденія, и вводилъ другую ересь, состоявшую въ зависимости отъ прежней. И такимъ образомъ самыя, такъ названшіеся, гностики, какъ сказано, получивъ предлоги къ заблужденію, конечно, отъ Валентина и его предшественниковъ, раздѣлились преемственно на разныя ереси. Но оставимъ вышесказанныя ереси вмѣстѣ съ ересью сего Валентина, какъ поправныя нами при помощи ученія истины, а будемъ съ помощію Божіей силы разсматривать ереси слѣдующія за ними по порядку.

О СЕКУНДІАНАХЪ,

съ которыми состоятъ въ связи

Епифанъ и Исидоръ;

ересь двенадцатая, а по общему порядку — тридцать вторая.

Гл. 1. Миновавъ ересь Валентина, и надъ тернистымъ его посѣвомъ много испытавъ труда со многими, можно сказать, напряженіемъ и земледѣльческимъ злостраданіемъ, перейдемъ къ остаткамъ отъ тернистаго его посѣва и, гадамъ свойственнаго, его звѣрообразія, у Господа испрашивая Святаго Духа, чтобы при Его помощи оградить души ученіемъ по Богу и чистымъ словомъ, и получить возмож-

ность извлечь яды изъ прежде принявшихъ въ себя оныя. О сихъ же еретикахъ, происшедшихъ отъ Валентина и, кромѣ имъ посѣянаго ученія, преподающихъ другое, начну говорить по порядку, какъ кто изъ нихъ чьимъ сдѣлался пресемникомъ. Итакъ изъ числа ихъ нѣкто Секундъ, хотѣвшій впрочемъ мудрствовать нѣсколько болѣе другихъ, хотя преподаеть все то, что есть у Валентина, однако болѣе другихъ пустилъ о себѣ шуму между оглушенными имъ. Ибо онъ, будучи, какъ сказалъ я прежде, послѣдователемъ Валентина, но превышая Валентина своимудріемъ, говоритъ, что первая осмерица состоитъ изъ четверицы десной и четверицы шуей, и первую учить называть свѣтомъ, а вторую тьмою; о силѣ же отступившей и пришедшей въ состояніе недостатка говоритъ, что она не изъ числа тридцати эоновъ, но слѣдуетъ за сими тридцатью эонами, и посему она—изъ числа низшихъ, происшедшихъ послѣ другой осмерицы. О Христѣ и другихъ догматахъ учить во всемъ одинаково съ Валентиномъ, заготовившимъ ему этотъ ядъ и подавшимъ отраву. Но хотя, по немногочисленности у него мнѣній новыхъ, которыми бы онъ отличался отъ другихъ, я думалъ бы, что должно довольствоваться тѣмъ, что сказано прежде, и само въ себѣ заключаетъ опроверженіе его; однакоже скажу немного и о немъ, чтобы не показалось, будто обхожу

рѣчь объ немъ по недоумѣнію, что сказать. Ибо если сретиками разставляются четверицы на право и на лѣво, то представится вопросъ, что же въ срединѣ между правымъ и лѣвымъ; потому что все, чтобы то ни было, имѣющее правую и лѣвую стороны, помѣщается по срединѣ между лѣвою и правою сторонами; и нигдѣ не можетъ быть правой или лѣвой стороны, если какая либо часть занимающаго средину тѣла не послужитъ къ раздѣленію между тою и другою стороною. Посему, скудомный Секундъ и обольщенные имъ, самая истинная средина, господствующая надъ лѣвою и правою сторонами, будетъ что-либо единое, и зависимое отъ него десное и шее не можетъ быть чуждымъ сего чего-то единого. И все по необходимости будетъ возведено къ дѣйствительно единому,—къ тому, у чего нѣтъ ничего высшаго, нѣтъ и подчиненнаго и низшаго, кромѣ имъ созданнаго. Поучающимся истинѣ должно быть явно, что это—единый Богъ: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ. Если же *единъ Богъ, изъ Негоже вся* (1 Кор. 8, 7.); то у него нѣтъ ничего шуяго, ни инаго умаленія, и ничего подчиненнаго, кромѣ Имъ сотвореннаго. А то, что послѣ Отца и Сына и Святаго Духа, все прекрасно создано и щедротами единого Бога приведено въ благосостояніе.

Гл. 2. Если же и еще подобный сему дру-

гій змѣй, вышедъ передъ насъ, скажетъ: хотя десное и шеее существуютъ внѣ Единаго, но Онъ въ самой срединѣ, и десное привлекаетъ къ себѣ, радуется на оное, и это самое десное называетъ и свѣтомъ,—а шеее, какъ чуждое Ему и лежащее влѣвѣ отъ Него, отталкиваетъ отъ себя: то пусть скажетъ миѣ, откуда заимствуетъ это самое землемѣріе, по которому хорошо распредѣляетъ непереставимыя правую и лѣвую стороны. Ибо въ насъ правая сторона, также и лѣвая, именуется справедливо отъ неподвижнаго расположенія въ тѣлѣ членовъ онаго, въ которомъ никогда не бываетъ перемѣны; а то, что внѣ насъ, можетъ быть то деснымъ, то шуимъ. Такъ, у всякаго смотрящаго къ востоку югъ, или полдень, будетъ называться правою стороною, а сѣверная или полночная страна свѣта—лѣвою; когда же какій либо человѣкъ обернется въ противную сторону—на западъ, то тѣ страны свѣта окажутся у него имѣющими другія именованія: южная или полуденная, которая не за долго предъ симъ была правою, тотчасъ превратится въ лѣвую, и бывшая у кого либо влѣвѣ полночная или сѣверная страна будетъ вправо отъ него. Посему гдѣ отыскалъ этотъ обманщикъ свое, къ Божеству примѣнимое, землемѣріе? О какъ много у него пустословія, все смѣшивающаго! Утверждаетъ онъ, что недостатокъ пришелъ въ бытіе послѣ тридцати эоновъ. Скажи же,

какимъ способомъ ты постигъ естество недостатка или силу отступившую? Ибо если ты нашель, что она есть отростокъ изъ высшей области, несотворена, но рождена, потому что у тебя и наставника твоего тварное опредѣляется не сотвореннымъ, но рожденнымъ; и если нашель, что вновь раждающееся нараждается отъ сообщенія одного естества съ другимъ приѣмлющимъ: то не самъ ли противъ себя даешь оружіе своимъ же ученіемъ? Ибо если сила недостаточная и отступившая происходитъ и, такъ сказать, отражается и произрастаетъ отъ горняго; то слѣдуетъ, что она причастна горнихъ дарованій, потому что въ такомъ случаѣ сила недостаточная имѣетъ общеніе съ Плиромою, и Плирома съ силою недостаточною. и ничѣмъ не будетъ различаться ни эта отъ той, ни та отъ этой, при взаимной общности предѣловъ той и другой. И всякое слово тебѣ, жалчайшій всѣхъ жалкихъ людей, послужить уликою въ томъ, что твое заблужденіе питается бѣсовскимъ присѣвомъ.

Гл. 3. Но хотя и много въ каждой ереси начальниковъ и хвалящихся тѣмъ, что превзошли своихъ учителей, слагая свои новыя басни, впрочемъ, чтобы не опустить чего либо изъ сдѣланнаго или сказаннаго нѣкоторыми, продолжу еще повѣствованіе о принадлежащихъ къ той же ереси, но утверждающихъ сравнительно съ нею другое, — разумію Епифана, ко-

торый по поводу Увѣщательныхъ рѣчей Исидора низвелъ себя еще въ глубочайшую бездну несчастія, и хотя въ самомъ дѣлѣ предлоги къ ученію заимствовалъ у Карпократа, отца своего по плоти, однако состоитъ въ связи съ ересію Секунда, о которомъ говорено прежде, и самъ принадлежитъ къ числу секундіанъ. Ибо у каждаго изъ сихъ заблуждающихся много разности другъ съ другомъ и, можно сказать, подобная кучѣ сора, смѣсь множества суесловія. Этотъ Епифанъ, состоящій въ связи, по сказанному прежде, съ секундіанами, какъ я сказалъ, былъ сынъ Карпократа, матерью же имѣлъ такъ называвшуюся Александрию, по отцу родомъ былъ изъ Кефалиніи. Проживъ семнадцать лѣтъ, по волѣ Господа, промышляющаго о благѣ вселенной и исторгающаго злыхъ, какъ тернія, рано окончилъ жизнь. Послѣ его кончины, введенные имъ въ заблужденіе не избавились отъ нанесенной имъ язвы. Ибо даже и доселѣ онъ чтится въ Самосѣ какъ Богъ; жители страны той соорудили ему третище и въ новомѣсячіе совершаютъ ему жертвы и требы, поставили ему жертвенники, и въ честь его имени воздвигли знаменитый музей, который и называется музеемъ Епифановымъ. Дошедшіе до толикаго заблужденія кефалины совершаютъ ему жертвоприношенія и возліанія, и въ сооруженномъ ему третищѣ пиршествуютъ и воспѣваютъ ему пѣсни. Весь же его

обманъ, склонившій вышепоименованныхъ къ ереси и къ другому заблужденію, разумію обращеніе туземцевъ къ идолопоклонству, произошелъ по причинѣ превосходной его образованности какъ по части общихъ наукъ, такъ и по Платоновой мудрости. Между тѣмъ сей Епифанъ состоялъ въ связи съ Секундомъ и его кружкомъ, потому что у него перенялъ извергаемый имъ ядъ, разумію, исполненное змѣиной вредоносности, его многословіе.

Гл. 4. Исидоръ же, какъ сказываютъ, чрезъ свои Увѣщанія сдѣлался виновникомъ его негоднаго ученія. Но былъ ли самъ Исидоръ единомудренъ съ секундіанами и происходилъ отъ нихъ, или по наученію отъ философовъ онъ составилъ Увѣщанія, этого мы не могли узнать со всею ясностію. Впрочемъ всѣ они работаютъ надъ однимъ дѣломъ. Во первыхъ, оный Епифанъ съ отцемъ своимъ и начальникомъ этой ереси Карпократомъ и его кружкомъ, получивъ поводъ въ Платоновыхъ разговорахъ о гражданскомъ благоустройствѣ, и приводя въ исполненіе собственную свою похоть, уложилъ закономъ, чтобы жены у людей были общія. Полагаетъ же начало сему, приводя содержащееся въ Евангеліи изреченіе Спасителя, что скопцовъ три рода: одинъ оскотленъ *отъ челоуькъ*, другій таковъ отъ рожденія, и иный *царствія ради небснаго добровольно сдѣлался скопцомъ* (Матѣ. 19, 12.).

И говорить: «итакъ которые по необходимости, тѣ безъ разумной причины бываютъ скопцами; а сдѣлавшіе сами себя скопцами ради царствія небеснаго принимаютъ это рѣшеніе въ расчетъ случайностей брака, боясь безпокойствъ при добываніи потребнаго для жизни». И лучше, говоритъ апостоль, *женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 9.), чтобы, какъ говоритъ еретикъ, не ввергнуть тебѣ въ огонь душу свою, сопротивляясь день и ночь, и страшась отпасть отъ воздержанія: ибо душа, занятая сопротивленіемъ, отдѣляется отъ надежды. «Итакъ держись (какъ сказалъ я прежде, предлагая слово увѣщанія), держись жены сварливой», буквально такъ говоритъ Исидоръ въ своихъ нравственныхъ наставленіяхъ (*ἐν τοῖς Ἠθικοῖς*), «чтобы не быть отвлеченнымъ отъ благодати Божіей, и съ сѣменемъ извергнувъ огонь, молись съ доброю совѣстію. А когда, говоритъ, благодареніе твое перейдетъ въ прошеніе, а ты хотя и стоишь, но не успѣлъ въ непреткновенности, женись». Потомъ еще говоритъ: «но иной юнь, или бѣденъ, или похотливъ (то есть слабъ), и не хочетъ жениться по достаточной причинѣ; таковой не отлучайся отъ брата». Увеличивая же у себя запасъ срамныхъ какихъ-то мнѣній, бѣдный впадаетъ въ лицедейство. «Пусть», говоритъ онъ, «скажетъ: я вошелъ въ святая; не могу быть страстнымъ. Если же имѣть

сомнѣніе, пусть скажетъ: братъ, наложи на меня руку, чтобы мнѣ не согрѣшить, и получить помощь, какъ чувственную, такъ и мысленную. Только бы хотѣлъ совершить что-либо хорошее, успѣетъ въ этомъ». Потомъ еще говоритъ: «иногда устами говоримъ: не хотимъ грѣшить, а на умѣ у насъ грѣхъ: такой не дѣлаетъ, чего хочетъ, по страху, чтобы не вмѣнилось ему наказаніе. А роду человѣческому иное необходимо, а иное только естественно; на примѣръ употребленіе одежды необходимо и естественно, а сладострастіе хотя и естественно, но не необходимо».

Гл. 5. Сіи изреченія привелъ я, пиша объ этихъ еретикахъ, въ обличеніе того, что и василидіане, и карпократіане, и имѣющіе названіе отъ Валентина, и отъ Епифана, въ связи съ которымъ состоитъ вышеупомянутый Секундъ, живутъ не по надлежащему: ибо всѣ они, каждый перенявъ свои ужасы другъ у друга, по передачѣ отъ того ли къ этому, или отъ этого къ тому, и кое въ чемъ различаясь между собою, сложились однако въ одну ересь, почему и утверждали, будто, по своему совершенству, имѣютъ свободу даже грѣшить, потому что хотя и согрѣшаютъ теперь, непременно и естественно спасутся по прирожденному избранію; хотя первовиновники этихъ догматовъ и не дозволяютъ имъ дѣлать это самое. О первой же четверицѣ, какъ бы еще

дальше простираясь ввысь, къ совершеннѣйшему вѣдѣнію, говорятъ они такъ (ж): «есть нѣкое предшествующее всему, и даже недомыслимому, Первоначало, неизреченное и не именуемое, которое, давая ему численное означеніе, называю единичностію. Съ сею единичностію сосуществуетъ сила, которую также именую единствомъ. Сіи единичность и единство, будучи одно, не испуская, испустили начало всего, мысленное, нерожденное и не видимое, которое начало разумъ называетъ единицею (*μονάς*). Съ сею единицею сосуществуетъ одинаковая съ нею по сущности сила, которую опять именую единое (*τὸ ἕν*). Сіи-то силы, то есть единичность и единство, единица и единое, пустили отъ себя и прочія произведенія эоновъ».

Гл. 6. Послѣ того прекрасные писатели въ своихъ писаніяхъ опровергли истинность сего, а именно: Климентъ, котораго одни называютъ Александрійскимъ, другіе Аѳинскимъ, а также и священный Ириней. Осмѣивая сихъ еретиковъ, онъ въ продолженіе рѣчи послѣ вышеприведенныхъ словъ испустилъ оное плачевное восклицаніе: увы (з), увы! и охъ, охъ! Ибо

(ж) Слѣдующія за симъ слова заимствованы св. Епифаніемъ изъ сочиненія св. Иринея противъ ересей, L. 1. с. XI.

(з) Новая выписка изъ того же Иринея сочиненія (L. cit.), съ весьма небольшою разницею въ текстъ продолжающаяся до словъ: „затѣмъ на эти“ и т. д.

по истинѣ умѣстно это плачевное восклицаніе при такомъ случаѣ такового составленія именъ людьми написавшими эти смѣшныя слова и при столь дерзкой попытѣ еретика, забывъ стыдъ, давать имена тому, что самъ нагаль. Ибо, говоря: «ссть нѣкое предшествующее всему, и даже недомыслимому, Первоначало, которое называю единичностію», и еще: «ссть сею единичностію сосуществуетъ сила, которую также именую единствомъ», очень ясно признался, что сказанное есть его вымысль, и что самъ онъ далъ своему вымыслу имена, никѣмъ другимъ прежде не дававшая. И ясно, что самъ онъ осмѣлился составить сіи имена, а если бы его небывало на семь свѣтѣ, то не было бы и имени для истины. Посему нѣтъ препятствія и другому кому либо для того же самаго назначить такія имена. Затѣмъ на эти, какъ сказано выше, смѣшныя слова и самъ блаженный епископъ Иринеѣ возразилъ указаніемъ другихъ именъ, шутя надъ еретиками въ достойное возмездіе ихъ пустословію, и приложивъ къ известнымъ вещамъ плоды дынь, огурцовъ и тыквъ; а какъ, ясно будетъ для любознательныхъ изъ того, что прочли они выше.

Гл. 7. А (и) другіе изъ этихъ еретиковъ сими именами назвали еще первую и родоначальную

(и) Еще выписка оттуда же, оканчивающаяся словами: „первая чета“.

осмерицу; а именно такъ: первое Первоначало, затѣмъ слѣдуетъ Недомыслимое, третье — Неизреченное, четвертое — Невидимое; и первымъ Первоначаломъ произведено Начало, занимающее первое и пятое мѣсто, а Недомыслимымъ произведено Непостижимое на второе и шестое мѣсто, Неизреченнымъ на третье и седьмое мѣсто — Неименуемое, и Невидимымъ — Нерожденное, составляющее полноту первой осмерицы. Сии силы существовали прежде Глубины и Молчанія, какъ думаютъ эти еретики, желая показаться самихъ совершенныхъ совершеннѣйшими и изъ всѣхъ гностиковъ обладающими большимъ вѣдѣніемъ. Но справедливо былобы воскликнуть о нихъ: мудрецы пустословы! Ибо и о самой Глубинѣ у нихъ много различныхъ мнѣній: одни говорятъ о ней, что не имѣетъ четы, не есть ни мужескаго пола, ни женскаго, да и вообще не есть что либо; а другіе называютъ ее обоеполою, и приписываютъ ей естество Ермофродита. Еще другіе соединяютъ съ Глубиною Молчаніе въ качествѣ сожительницы, отчего происходитъ первая чета, — и потомъ отъ Глубины и Молчанія продолжаютъ весь остальной рядъ подобныхъ зрѣлищнымъ дѣйствій. И много у нихъ пустословныхъ грезъ, погружающихъ ихъ умъ въ глубокій сонъ.

И что мнѣ много останавливаться на нихъ, когда всякому, желающему удержать за собою жизнь и не обольщаться пустыми баснями, изъ

вышесказаннаго открывається какъ содержаніе ихъ ученія, такъ и ихъ обличеніе и опроверженіе? Но пусть будетъ довольно сего, мною о нихъ сказаннаго. Миновавъ сію ересь, усмотрю себѣ безопасный путь и стезю гладкую къ слѣдующимъ по порядку ересямъ, чтобы, когда буду пересказывать и изобличать, что есть у нихъ негоднаго, силою Божіею сохранить мнѣ себя самого и слушателей цѣлыми, при помощи ученія Господа нашего и истиннаго взгляда на оное. Поправъ при помощи обуви евангельской сію ересь, какъ ехидну мышеловку, подобную множеству другихъ ехиднъ, рассмотримъ слѣдующія за нею.

О ПТОЛЕМЕЯХЪ,

тринадцатой, или и тридцать третьей, ереси.

Гл. 1. Преемникомъ Секунда и поименованнаго Епифана, у Исидора перенявшихъ Увѣщаніе въ основаніе своихъ мнѣній, является Птолемей, принадлежащій къ ереси тѣхъ же, такъ называемыхъ, гностиковъ и послѣдователей Валентина съ нѣкоторыми другими, но приложившій и нѣчто иное сравнительно съ своими учителями. Похваляясь его именемъ, и довѣрившіеся ему зовутся также птолемейми. — Этотъ Птолемей (i) съ своими единомышленниками высту-

(i) Начиная съ сихъ словъ, и эта глава представляетъ

шилъ передъ нами еще болѣе искуснымъ, нежели его учителя, изобрѣтши нѣчто лишнее въ прибавку къ ученію ихъ. Ибо Богу, названному ими Глубиною, выдумалъ и подарилъ двухъ супругъ. Ихъ онъ называлъ еще расположеніями. Это Мысль и Воля; и Мысль всегда соприсуща Глубинѣ, всегда замышляетъ что либо произвести, а Воля у нея привходящая; ибо Глубина прежде замыслила произвести нѣчто, а потомъ, говоритъ, захотѣла. Посему отъ взаимнаго какъ бы срастворенія сихъ двухъ расположеній или и силъ (ибо называетъ оныя еще силами), то есть: Мысли и Воли, возникло происхожденіе четы, состоящей изъ Единороднаго и Истины. Она вышлі, какъ видимые образы и подобія двухъ невидимыхъ расположеній Отчихъ, именно же: образъ Воли—Умъ, а Мысли—Истина, и посему подобіе позднѣе рожденной Воли—мужескаго пола, а подобіе не рожденной Мысли—женскаго, потому что Воля стала какъ бы силою Мысли (к): ибо Мысль

по большей части букввальное сходство съ сказаніемъ св. Иринея о томъ же предметѣ. *Contra haer.* l. 1. c. XII.

(к) Чтеніе сего мѣста въ греческомъ текстѣ св. Епифанія весьма запутанно. Въ тѣхъ же выраженіяхъ, по только размѣщенныхъ съ бѣльшимъ порядкомъ, читается это мѣсто у св. Писолита. Съ симъ послѣднимъ чтеніемъ согласуется вполне и древній латинскій переводъ сочиненія св. Иринея противъ ересей. А въ слѣдствіе того сему чтенію и отдано предпочтеніе предъ тѣмъ, которое находится въ изданіяхъ греческаго текста твореній св. Епифанія.

хотя всегда задумывала приведеніе въ бытіе, однако сама по себѣ не могла привести въ бытіе, что задумала; но когда привзошла сила Воли, тогда произвела, что задумывала.

Гл. 2. И о, какое суемудренное пустословіе! Этого никто изъ имѣющихъ здравый разумъ не принялъ бы и о человѣкѣ, не только о Богѣ. Мнѣ кажется, что умнѣе Птолемея и Гомеръ, когда описываетъ Зевса поверженнымъ въ заботы, безпокоющимся, сердящимся, безъ сна проводящимъ цѣлую ночь для устроенія козней ахеянамъ, по просьбѣ Ѳетиды о томъ, чтобы начальники еллинскіе и самыя елины были наказаны за оскорбленіе Ахиллеса. Ибо Птолемея этотъ во славу признаваемаго имъ Отца всяческихъ, называемаго и Глубиною, не придумалъ ничего благовиднѣе того, что сказано Гомеромъ о Зевсѣ, а напротивъ того, какъ бы заимствовавъ мысли у Гомера, представлялъ себѣ самаго Отца всяческихъ, какъ Зевса. Изрыгнувъ столь дерзкія рѣчи, справедливѣе было бы назвать это Гомеровымъ представленіемъ о Зевсѣ и ахеянахъ, нежели относить къ Владыкѣ всяческихъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ имѣетъ въ мысли, и совершаетъ то, что восхотѣлъ, и какъ скоро хочетъ, то уже имѣетъ и въ мысли, что восхотѣлъ, тогда имѣетъ въ мысли, когда хочетъ, и тогда хочетъ, когда имѣетъ въ мысли, потому что всецѣло есть мысль, всецѣло воля,

всещло умъ, всещло—свѣтъ, всещло око, всещло—слухъ, всещло — источникъ всѣхъ благъ, и не одержимъ никакою страстію, ибо Онъ Богъ, и не озабоченный и поставленный въ недоумѣніи, какъ Глубина или Зевсъ, Гомеровымъ разсказамъ о которомъ подражалъ Птолемей въ своихъ рѣчахъ о Глубинѣ. Но для бѣльшаго обличенія обманщика, чтобы кто либо не подумалъ, будто мы, прежде не встрѣчавшись съ самодѣльнымъ ученіемъ его самага, обличаемъ обманщика только по слуху, ниже въ слѣдъ за симъ приведу подлинныя прельстительныя и ядоносныя слова самага Птолемея, писанныя имъ къ нѣкоторой женѣ Флорѣ. Ибо, кромѣ того, о чемъ говорилъ я, онъ еще не стыдится хулить законъ Божій, данный чрезъ Моисея; и вотъ что пишетъ

ПТОЛЕМЕЙ КЪ ФЛОРЕ.

Гл. 3. Поелику, хорошая моя сестра Флора, многіе приняли законъ, изложенный Моисеемъ прежде нежели узнали основаніе его и предписанія; то думаю, что тебѣ будетъ удобнѣе обзрѣть его въ точности, когда узнаешь разногласныя мнѣнія о немъ. Одни говорятъ, что онъ есть законоположеніе Бога и Отца; другіе же, обратившись по сравненію съ сими на противоположный путь, утверждаютъ, что законъ изданъ Божиимъ противникомъ, виновникомъ

всякой пагубы, — діаволомъ, какъ и мірозиждительство приписываютъ ему же, называя его отцемъ и творцемъ. Но совѣмъ сбились они съ пути, передавая это одни другимъ, и ни тѣ, ни другіе, не достигая на самомъ дѣлѣ предположеннаго ими же самими. По видимому, законъ изданъ не совершеннымъ Богомъ и Отцемъ (ибо не соотвѣтствуетъ сему), потому что несовершенъ и нуждается въ восполненіи другимъ, содержитъ повелѣнія несвойственныя естеству и настроенію такого Бога. А также и неправдѣ противника нельзя приписывать законъ, какъ потребляющій неправду (1), слѣдуя за теряющими изъ виду изреченія Спасителя; ибо Спаситель нашъ рѣшительно сказалъ, что не можетъ стоять *градъ или домъ раздѣливыйся на ся* (Матѳ. 12, 25.), и кромѣ того апостоль, предострагая несостоятельную мудрость сихъ жесловесниковъ, говоритъ, что мірозданіе есть собственное Его дѣло (потому что *вся тлѣнь быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.)), и при томъ дѣло не губительнаго бога, но праведнаго и ненавидящаго лукавство. А ихъ мнѣніе свойственно людямъ непредусмотрительнымъ, непонимающимъ причины промышленія Зиждителя, и слѣпыхъ не только душевными,

(1) При переводѣ сихъ двухъ словъ принято въ руководство исправленіе подлиннаго текста, весьма невразумительнаго въ семь мѣстъ, сдѣланное Неандеромъ.

но и тѣлесными очами. Сколько сіи уклонились отъ истины, ясно тебѣ изъ сказаннаго. Потерпѣли же они это, каждый по своей особой причинѣ: одни по незнанію Бога правосуднаго, другіе по незнанію Отца всяческихъ, котораго явилъ намъ Единый Его видѣвшій, и къ намъ пришедшій. Остается намъ, какъ удвоеннымъ вѣдѣнія того и другаго, высказать и въ точности изложить тебѣ, каковъ самый законъ, и какимъ законодателемъ данъ, представляя въ доказательство того, что будемъ говорить, слова Спасителя нашего, при руководствѣ которыхъ только и можно не сбиться съ пути къ постиженію того, что есть въ самомъ дѣлѣ

Гл. 4. Итакъ прежде всего должно знать, что не весь оный законъ, содержащійся въ Моисеевомъ Пятокнижїи, происходитъ отъ одного нѣкоего законоположника, то есть не отъ единаго Бога, но есть въ немъ нѣкоторыя предписанія, данныя и людьми, и, какъ учать насъ слова Спасителя, онъ раздѣляется на три части. Онъ принадлежитъ частию Самому Богу и Божію законоположенію, частию Моисею, поколику не Самъ Богъ законополагалъ чрезъ него, но Моисей узаконилъ иное, возбужденный собственною своею мыслію, частию—старцамъ народнымъ, потому что, какъ оказывается, и они отъ себя внесли нѣкоторыя свои заповѣди. А какъ это оказывается изъ словъ Спасителя, сейчасъ узнаешь. Нѣгдѣ

Спаситель, бесѣдуя съ вопрошавшими Его о разводѣ, который былъ дозволяемъ закономъ, сказалъ имъ: *Моисей по жестосердію вашему повелѣлъ пустити жену свою: ибо изъ начала не бысть тако*, потому что, какъ сказано, Богъ сочеталъ сію чету; а *еже сочета* Господь, *человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 19, 8. 6.). Здѣсь указывается, что иной законъ Божій, воспрещающій разлучаться женѣ съ мужемъ своимъ, и иной—законъ Моисеевъ, по причинѣ жестоковѣйности дозволяющій разлучаться этому супружеству. И при томъ въ этомъ случаѣ Моисей даетъ узаконеніе противное Богу, ибо противно нерасторжимости брака. Если же изслѣдуемъ, въ какомъ намѣреніи узаконилъ это Моисей, то окажется, что онъ сдѣлалъ сіе не по своему произволу, но по нуждѣ,—по причинѣ слабости тѣхъ, кому данъ былъ законъ. Поелику они не смогли сохранить волю Божию, не позволявшую имъ гнать отъ себя женъ, а иные изъ нихъ сожительствовали съ женами въ непріятностяхъ, и отъ этого были въ опасности совратиться еще болѣе въ неправду, а чрезъ нее въ погибель; то Моисей, желая пресѣчь у нихъ сіи непріятности, отъ которыхъ они были въ опасности гибнуть, и по обстоятельствамъ примиряясь съ меньшимъ зломъ въ замѣнъ бѣльшаго, далъ имъ отъ себя вторичный нѣкій законъ о разводѣ для того, чтобы хранили хотя этотъ за-

конъ, если не могутъ сохранить того, и не совращались въ неправды и злодѣянiя, за которыми слѣдовала бы совершеннѣйшая ихъ гибель. Таково намѣренiе Моисея, по которому онъ оказывается законополагающимъ вопреки Богу. По крайней мѣрѣ, что этимъ указывается на другiй законъ, кромѣ закона Божiя—законъ самаго Моисея, это не подлежитъ сомнѣнiю, хотя теперь мы привели одно указанiе на сiе. А что къ закону примѣшаны и нѣкоторыя преданiя старцевъ, и сiе дѣлаетъ яснымъ Спаситель: ибо говоритъ: Богъ сказалъ: *чи отца твоего и мать твою, да благодати будетъ* (Исх. 20, 12.), *вы же*, говоритъ, обращаясь къ старцамъ, рекли: *даръ Богу, имже бы отъ мене пользовался еси: и разористе законъ Божiй за преданiе* вашихъ старцевъ (Матѳ. 15, 4—6.); о семъ и *Исаи* возгласилъ: *людие сiи устнами Мя чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене. Всю же чтутъ Мя, учаще ученiемъ, заповѣдемъ человѣческимъ* (Марк. 7, 6. 7.). Изъ сего ясно оказывается, что весь оный законъ раздѣляется на три части: ибо въ немъ мы нашли законоположенiе самаго Моисея, старцевъ и самаго Бога. Сiе, изложенное здѣсь нами, раздѣленiе всего онаго закона открываетъ намъ, что есть въ немъ по истинѣ.

Гл. 5. Но и та одна часть, которая есть именно законъ самаго Бога, дѣлится на три нѣкiя части: на чистое законоположенiе, безъ

примѣси зла, собственно и составляющее тотъ законъ, который *не разорити* пришелъ Спаситель, *но*, потому что не имѣлъ совершенства, *исполнити* (Матѳ. 5, 17.), ибо Спаситель не былъ чуждъ исполненному Имъ закону; на законоположеніе смѣшанное со зломъ и неправдою, которое и отъялъ Спаситель, какъ не свойственное Его естеству; и еще на законоположеніе образное и символическое, по образу духовнаго и лучшаго,—сіе законоположеніе Спаситель отъ чувственнаго и видимаго перенесъ на духовное и невидимое. И во первыхъ, чистый законъ Божій, безъ примѣси зла, есть самое десятословіе, тѣ десять заповѣдей, раздѣленныхъ на двѣ скрижали: на отмѣненіе того, чего должно отвращаться, и на предписаніе того, что должно дѣлать, которыя, какъ содержащія хотя и чистое законоположеніе, но не имѣвшія совершенства, нужно было исполнить Спасителю. Смѣшанный же съ неправдою законъ — тотъ, который положенъ о мести и воздаяніи обидѣвшимъ, и повелѣваетъ вышибать око за око и зубъ за зубъ, и за убійство отмщать убійствомъ: ибо ничѣмъ не меньше нарушаетъ справедливость и вторый обидчикъ, отличаясь отъ перваго только въ порядкѣ дѣйствія, но дѣлая тоже самое дѣло. А между тѣмъ предписаніе это было и есть справедливо, какъ изданное по причинѣ слабости тѣхъ, кому данъ законъ, на случай преступле-

нія чистаго закона, но несвойственно естеству и благодати Отца всяческихъ; впрочемъ, можетъ быть, согласно, а лучше сказать, вызвано необходимостію: ибо желающій, чтобы не было ни одного убійства, какъ показываютъ слова: *не убій* (Исход. 20, 13.), и вторичнымъ законоположеніемъ повелѣвающій платить убійцѣ убійствомъ, и послѣ воспрещенія и одного убійства устанавлиющій два скрытно увлеченъ необходимостію. Посему-то пришедшій отъ Него Сынъ отмѣнилъ сію часть закона, хотя и Самъ исповѣдалъ, что она отъ Бога. Между прочимъ къ ветхой ереси причисляются и сказанныя Богомъ слова: *иже злословитъ отца или матеръ, смертію да умретъ* (Матѣ. 15, 4.). Образную же часть закона составляетъ то, что изложено по образу духовнаго и лучшаго, разумѣю законоположенія о приношеніяхъ, обрѣзаніи, субботѣ, постѣ, пасхѣ, опрѣснокахъ и сему подобномъ. Ибо все сіе, потому что составляетъ образы и символы, по открытіи истины преложилось: по видимости и тѣлесно совершеніе сего уничтожено, но по духу удержано, и имена остались тѣже, а измѣнились вещи. И намъ Спаситель повелѣваетъ, чтобы мы приносили приношенія, но состоящія уже не изъ безсловесныхъ животныхъ, или таковыхъ же куреній, а изъ духовныхъ хваленій и славословій, изъ Евхаристіи и изъ *общенія* съ ближними и *благодѣланія* имъ (Евр. 13, 16.); желаетъ, чтобы и мы

обрѣзывались, но не тѣлеснымъ обрѣзаніемъ крайней плоти, а духовнымъ обрѣзаніемъ сердца; а также желаетъ, чтобы мы хранили субботу, ибо хочетъ, чтобы мы были праздны отъ дѣлъ лукавыхъ; желаетъ, чтобы мы и постились, но не постомъ тѣлеснымъ, а духовнымъ, состоящимъ въ воздержаніи отъ всего худаго. Въ самомъ дѣлѣ и нашими соблюдается наружный постъ, потому что онъ можетъ приносить нѣкоторую пользу и душѣ, когда совершается разумно, именно же, когда совершается не по подражанію кому либо, не по обычаю, и не въ честь дня, какъ будто день опредѣленъ на это, но вмѣстѣ и въ воспоминаніе истиннаго поста,--для того, что бы не могущіе еще поститься симъ постомъ имѣли о немъ напоминаніе въ постѣ наружномъ. Подобно сему и о пасхѣ и опрѣснокахъ, что они были образами, дѣлаетъ яснымъ апостоль Павель, говоря: *пасха наша пожренъ бысть, Христосъ; и да будете, говоритъ, безкваси, непричастны кваса (квасомъ же въ семъ случаѣ называетъ злобу), но будете ново слѣшеніе* (1 Кор. 5, 7. 8.).

Гл. 6. Такимъ образомъ и самый тотъ законъ, который, по общему признанію, есть Божій, дѣлится на трое, а именно: дѣлится на законъ исполненный Спасителемъ; ибо заповѣди: *не убіеши, не прелюбы сотвориши, не во лжу кленешися* объемлются повелѣніями не гнѣваться, *не возделлти, не клятися* (Матѣ.

5, 21. 22. 27. 28. 33. 34.). Дѣлится и на совсѣмъ уничтоженный; ибо постановленіе: *око за око, и зубъ за зубъ*, какъ смѣшанное съ не правдою и даже имѣющее предметомъ дѣло неправды, Спасителемъ уничтожено чрезъ противоположное постановленіе (а противоположности уничтожаютъ одна другую): *Азъ глаголю вамъ совсѣмъ не противитися злу: но аще ты кто ударитъ, обрати ему и другую ланиту* (Матѣ. 5, 38. 39.). Дѣлится и на часть иносказательную, преложенную и измѣненную изъ тѣлеснаго въ духовное; это — символическое законоположеніе по образу лучшаго: ибо образы и символы, какъ представляющіе собою другія вещи, умѣстны были до пришествія истины, а по пришествіи истины должно дѣлать дѣла истины, а не образа. Это раскрыли намъ и ученики Спасителя, и апостолъ Павелъ: на образную часть закона указалъ онъ намъ, какъ мы уже сказали, въ примѣрѣ пасхи и опрѣсноковъ; на часть смѣшанную съ не правдою, когда сказалъ, что *законъ заповѣдей* упраздненъ *ученми* (Еф. 2, 15.); на часть же не смѣшанную со зломъ, когда сказалъ: *законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12.).

Гл. 7. Симъ, какъ думаю, вкратцѣ сказать, достаточно тебѣ доказано, что въ законъ вкралось законоположеніе человѣческое, и что самый законъ Божій раздѣляется на три части. Остается намъ показать, какій это Богъ, дав-

шій законъ. Но и сіе, какъ полагаю, стало яснымъ для тебя изъ вышесказаннаго, если ты тщательно выслушала то. Если законъ данъ, какъ мы учили, не Самимъ совершеннымъ Богомъ, и не діаволомъ, что не позволительно и сказать: то иный нѣкій, кромѣ сихъ, долженъ быть законодатель. Это — Діміургъ и творецъ всего этого міра и того, что въ немъ, имѣющій иную, не такую, какъ тѣ, сущность, который, занимая среднее между ними мѣсто, по праву могъ бы получить и имя середины. И если совершенный Богъ долженъ быть благъ по естеству Своему, какъ и дѣйствительно есть (ибо Спаситель нашъ объявилъ, что *благъ только единъ Богъ* (Матѳ. 19, 17.), Его Отець, Котораго Онъ явилъ); а имѣющій естество противника золь и лукавъ, имѣеть своимъ отличительнымъ свойствомъ неправду: то занимающій среднее между ними мѣсто, и ни добрый, ни злый, ни неправедный, могъ бы быть названъ собственно правосуднымъ, какъ присуждающій воздаяніе по присущей ему правдѣ. Сей богъ будетъ скуднѣе совершеннаго Бога, и въ правдѣ недостаточнѣе Его, такъ какъ притомъ и рожденъ, а не нерожденъ; ибо нерожденъ *единъ Отецъ, изъ Негоже* собственно *вся* (1 Кор. 8, 6.), потому что все у Него въ зависимости; но долженъ быть больше и господственнѣе противника, и имѣть другую сущность и другое есте-

ство сравнительно съ сущностію какъ совершеннаго Бога, такъ и противника. Сущность противника тлѣніе и тьма, ибо онъ вещественъ и дробенъ; сущность же нерожденнаго Отца всяческихъ—нетлѣніе и свѣтъ самосушій, простой и единовидный; а Диміургова сущность представляетъ двоякую вѣкую силу, и самъ онъ есть образъ Всесовершеннаго. И да не приводитъ тебя теперь въ безпокойство желаніе по поводу сего узнать, какъ при дѣйствительномъ бытіи, и исповѣданіи нами, и принятіи вѣрою единаго начала всяческихъ, нерожденнаго, нетлѣннаго и благаго, составились самыя сіи естества: естество тлѣнія и естество средины, неодинаковыя по сущности, тогда какъ естеству благаго свойственно рождать и производить подобное себѣ и одинаковое по сущности. Богъ дастъ, въ послѣдствіи узнаешь и начало сего и рожденіе, когда удостоена будешь апостольскаго преданія, которое и мы приняли по преемству, съ повѣркою всякаго слова ученіемъ Спасителя нашего. Сказавъ сіе тебѣ, сестра моя Флора, въ немногихъ словахъ, я ничего не ослабилъ, и преднаписавъ вкратцѣ, достаточно изъяснилъ, что надлежало. Это и въ послѣдствіи принесетъ тебѣ величайшую пользу, если ты, принявъ плодородныя сѣмена, какъ земля добрая и благая, покажешь плодъ отъ нихъ.

Конецъ письму Птолемея къ Флорѣ.

Гл. 8. Кто стерпитъ сіи слова и умопомѣшательство сего обманщика и его единомысленниковъ, разумѣю Птолемея и его кружокъ, составляющихъ и сшивающихъ столько вымысловъ? Никто изъ древнихъ сочинителей трагедій, — ни послѣдующіе подражатели ихъ пріемамъ, разумѣю Филистіона и Діогена, написавшаго «Невѣроятное», ни всѣ другіе писатели и пѣвцы басенъ не могли впечатлѣть толикой лжи, какую себѣ сложили эти, дерзко вызывая бѣды противъ собственной жизни. И еще умъ довѣряющихъ имъ людей вовлекли въ глупыя *стязанія и родословія безконечныя* (1 Тим. 1, 4.), сами не вѣдая *яже въ рукахъ*, и тому, что на небесахъ (Прем. Сол. 9, 16.), обѣщаясь уложить нѣкоторые мѣрныя предѣлы, и какія-то повивальныя свѣдѣнія принимая за познанія о матеряхъ небесныхъ, какъ бы существующихъ, хотя ихъ и нѣтъ. Кто послушаетъ сихъ еретиковъ, если будетъ изъ людей мало-смысленнѣйшихъ, легко увлечется ложью; думая, что узнаетъ отъ нихъ нѣчто высреннее; потому что *всяка птица по роду собирается, и подобному прильпится мужъ* (Сир. 13, 20.), по слову Писанія. Если же встрѣтится съ нимъ кто либо изъ разумныхъ и обладающихъ благомысленнымъ разсудкомъ, то посмѣется надъ толикимъ пустословіемъ, и изъ самаго содержанія ихъ рѣчей узнаетъ, какъ ихъ опровергнуть: ибо они обличаются тѣмъ, что во всемъ

сами противъ себя даютъ оружіе тѣмъ лжи, которыя суть плодъ ихъ тщетнаго труда. Птолемей и птолемейки, откуда у васъ мѣры Глубины, родовспомогательныя повиванія, и знаніе родильныхъ принадлежностей? Ибо вы, какъ присутствовавшіе при томъ и зрѣвшіе рожденіе небесныхъ, даже какъ предварившіе по бытію, такъ называемую вами, Глубину, возвѣщаете, что открываете намъ вѣдѣніе, между тѣмъ какъ сего никогда не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ, ни самъ Моисей, никто изъ предшествующихъ ему, и изъ послѣдующихъ, никто изъ евангелистовъ и апостоловъ. Развѣ укажешь на языческія баснословныя творенія Орфея, Гезіода и Стисихора, у которыхъ поколѣнія людскія передѣланы въ прозванія боговъ, и совершившееся среди людей олицетворено поэтически? Ибо и они такъ думали, обоготворивъ Зевса, Рею, Геру, Аѳину, Аполлона, Афродиту, и чествуя ихъ порочныя порожденія, ввергли міръ въ мечтательность многобожія и идолослуженія. Но мнѣ теперь nebudeтъ большой нужды опровергать и обличать тебя, Птолемей, и твои мнѣнія, потому что твои предки довольно уже получили обличеній. Приготовивъ тебѣ посрамленіе сказаннымъ прежде, перехожу къ заблужденію другихъ, призывая Бога помощникомъ нашей скудости, чтобы мнѣ обнаружить и торжественно побѣдить, что есть худо измышленнаго у каж-

даго рода, и при обѣщаніи тщательности прося благодати у Бога.

Гл. 9. Но чтобы не остались безъ разсмотренія три твои, Птолемей, изреченьица, которыми ты тщеславишься въ посланіи къ бѣдной Флорѣ (ибо и всегда змѣнныя ученія, по апостольскому слову, обольщаютъ *женщины отягощенныя грѣхами* (2 Тим. 3, 6.)), приведу здѣсь кстаті самыя тѣ реченія, и въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовательно предложу опроверженіе оныхъ, необходимое для того, чтобы не оставалось корня отъ посѣянныхъ тобою шевелъ. Ты, мудрецъ, утверждаешь, что законъ дѣлится на три части, и одна часть его отъ Бога, другая отъ Моисея, и третья—отъ старцевъ. И что ты ничѣмъ не можешь доказать свое мнѣніе о написанномъ отъ старцевъ, это очевидно: ибо въ законѣ нигдѣ не встрѣчается преданій старцевъ. Но не зная книгъ и истины, являешься клеветникомъ, незнающимъ даже требованій всякаго точнаго знанія. Преданія старцевъ у іудеевъ называются вторымъ законодательствомъ (*δευτερώβεις*). Ихъ четыре рода: одни носятъ на себѣ имя Моисея, другія, такъ называемаго, раввина Акивы; третьи—Адды, или Іуды, четвертыя — сыновъ Ассамонеевыхъ (м). Чѣмъ же, мужъ любопытельный и

(м) Слич. выше стр. 72. Встрѣчающесся тамъ чтеніе имени

неустроенный, можешь доказать то мнѣніе, что въ пяти книгахъ Пятокнижія и Божія законоположенія изречено повторенное Спасителемъ слово: кто скажетъ *отцу* своему: *корванъ*, еже есть даръ, тотъ ничѣмъ не долженъ будетъ отцу (Марк. 7, 11.)? Но не доказать тебѣ сего. Итакъ сказано это тобою не впадъ, потому что изреченія сего не встрѣчается нигдѣ въ Пятокнижіи; и ты напрасно обманулъ оболъщенную тобою Флору. А что самое законоположеніе Моисея не чуждо Бога, но дано отъ Бога чрезъ Моисея, это видно изъ тогоже самага приговора Спасителя; ибо какія ни приводишь свидѣтельства, противъ себя собираешь оныя. Господь говоритъ въ Евангеліи: *Моисей написа по жестосердію вашему* (Марк. 10, 5.). Но что *Моисей написа*, то не безъ воли Божіей написалъ, но законоположилъ по дѣйствию Духа Святаго. Ибо Господь въ Евангеліи говоритъ: *еже Богъ сочета, человекъ да неразлучаетъ*. И, чтобы намъ знать, какъ *сочета*, привелъ слѣдующее изреченіе: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать: и прильпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину*, а потомъ прибавилъ сіи слова: *еже убо Богъ сочета, человекъ да не раз-*

Аквивы: Варакива, исправляется настоящимъ мѣстомъ, въ которомъ сіе имя, по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ Панарія, читается: равви Акива.

лучаетъ (ст. 7—9.), хотя Господь, когда сотворилъ Адама и Еву, совсѣмъ не говорилъ сего, а только: *сотворилъ ему помощника по нему* (Быт. 2, 18.), но изрекъ сіе Адамъ, когда всталъ отъ сна и сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моя: сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія*. Потомъ онъ говоритъ: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей: и будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 23. 24.). Посему когда не Богъ сказалъ это, но Адамъ изрекъ, а Господь въ Евангеліи свидѣтельствуемъ, что сіе изреченіе Адамово есть Божіе слово; то сіе самое показываетъ, что въ то время изрекалъ слово Адамъ, а вѣщала воля Божія. И потомъ законоположилъ Моисей, а Богъ возвѣстилъ ему законоположеніе. И вотъ у тебя два уже изреченія не достигаютъ цѣли, и не отдаленной какой либо, но даже той, для какой употреблены. Законоположеніе есть дѣло Божіе; это очевидно. Богъ все законополагаетъ: одно на время, другое образно, а иное въ откровеніе будущихъ благъ, исполненіе которыхъ, пришедъ, показалъ въ Евангеліи Господь нашъ Иисусъ Христосъ.

Гл. 10. Берусь еще за другое твое дѣленіе, а именно за дѣленіе боговъ на трое, и покажу, что и это сказано тобою несправедливо, и есть не иное что, какъ дѣло обманщика. Ибо

какій это у насъ третій богъ, составленный изъ двухъ подобій, который притомъ не есть ни тотъ, ни другій, неимѣеть, какъ сказываешь, ни злобы и неправды, ни благости и свѣтлой сущности, но, какъ средній между тѣмъ и другимъ, правосуденъ? По истинѣ ты, какъ чуждый всякой правды, вѣроятно, не знаешь, что такое правда, если считаешь ее чѣмъ-то инымъ сравнительно съ благостию. Но многимъ можно избличить тебя, чуждый истинѣ поддѣльщикъ истины. Не отъ чего другаго — правда, какъ отъ благости; и не иначе можетъ кто либо сдѣлаться благимъ, какъ будучи праведнымъ. Посему и Господь, похваляя законъ и его праведниковъ, сказалъ: *красите гробы пророческія, и зиждете раки праведныхъ* (Матѳ. 23, 29.), а *отцы ваши избивша ихъ* (Лук. 11, 47.). Отъ чего же произошли пророки и праведные, если не по благости Отчей? И чтобы показать, что праведный причастенъ благости, сказалъ: *будьте подобны Отцу вашему, Иже есть на небесахъ: яко сіяетъ солнце Свое на блія и злыя, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. 5, 45.), чѣмъ и показалъ, что праведный есть благій, а благій есть праведный, и что злый есть неправедный, и неправедный есть злый. Если же говоришь о запутанности въ законѣ, то не можешь доказать сего. Ибо уловляешься въ клеветѣ на законъ, если потому, что законъ

сказалъ: *око за око, и зубъ за зубъ*, и между тѣмъ подвергаетъ убійцу убійству, приписываешь закону какую-то запутанность. Но изъ самаго того, какъ передѣлываетъ сіе законоположеніе Господь нашъ Иисусъ Христось, можно доказать, что это не было что либо привнесенное со стороны, но было тоже самое, и имѣло тоже дѣйствіе, какъ и изреченная Спасителемъ заповѣдь: *если кто станетъ бить тебя въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5, 39.). И древле законъ учреждалъ сіе, говоря: *око за око*; это тоже, что: *обрати ему ланиту*; ибо во избѣжаніе того, что придется потерпѣть, если ударить, надобно подставить ланиту бьющему, зная, что, по закону, если кто вырветъ глазъ, то подвергнется тому же.

Гл. 11. Какъ отецъ, желая обучить дѣтей, ведетъ обученіе постепенно, сообразуясь со всякимъ возрастомъ: малаго младенца не обучаетъ наравнѣ съ отрокомъ, и отрока обучаетъ не одинаково съ юношею, а юношу не одинаково съ возрастнымъ мужемъ; напротивъ того груднаго младенца обучаютъ перстомъ, а ребенка побольше—при помощи удара рукою, отрока—ремнемъ, а юношу жезломъ, мужу же по закону за большія преступленія наказаніе—мечъ: такъ и Господь по порядку законопологалъ каждому роду, что ему приличествовало. Древнихъ уцѣломудривалъ страхомъ, бесѣдуя съ ними, какъ съ малыми дѣтьми, еще невѣ-

дущими силы Святаго Духа; совершенныхъ же сподобилъ совершенныхъ тайнъ. И въ Евангеліи во многихъ мѣстахъ говоритъ ученикамъ подобно сему: не вѣдаете, *еже творю*, но въ послѣдствіи уразумѣете (Іоан. 13, 7.), то есть, когда сдѣлаетесь совершенны. И еще: *не вѣдаю*, пока не возсталъ изъ мертвыхъ (Іоан. 20, 9.). А Павелъ говоритъ: *не уможаете: но ниже еще можете* (1 Кор. 3, 2.), показывая, что съ теченіемъ времени заповѣди становятся совершеннѣе, и хотя суть однѣ и тѣже, но превращаются въ другій видъ: юными представляются онѣ такъ, а приходящими въ возрастъ—иначе. Такъ и законъ, постановивъ: *око за око*, не сказалъ имъ: исторгайте око за око, но: если кто исторгнетъ око, то и у исторгнаго исторгнется око. Всякій, жалѣя свое тѣло, давалъ бить ланиту, а самъ не билъ. И еще въ то время соблюдаемо было нынѣ ясно изреченное въ Евангеліи; но тогда люди, какъ юные, уцѣломудриваемы были необходимостію, а нынѣ, какъ совершенные, убѣждаются свободно. Если же ты утверждаешь, что говорить: *око за око*, и присуждать убійцу къ убіенію значить путаться; то вотъ мы видимъ, что и о днѣ суда Спаситель говоритъ, что придетъ владыка раба (сказалъ же сіе Онъ о Себѣ, какъ Владыка всего), и прибавляетъ: *и растешетъ его полна, и часть ея съ невѣрными положитъ* (Матѹ. 24, 51.). Посему ты и противъ Спаси-

теля еще вооружишься словами клеветы, и скажешь, что Онъ не благъ, но правосуденъ, хотя рожденъ отъ благаго Отца, и Самъ благъ, и не различенъ отъ Отца? Послѣ того и отчуждать Его отъ сущности Отчей станетъ возможно тебѣ, вновь выступившій передъ нами дѣлельщикъ и межевщикъ законовъ, раздѣляющій все на три части. И сказавъ, что въ законѣ иное написано символически въ видѣ образовъ, ты не много коснулся истины, чтобы при помощи сего немногаго можно было тебѣ обмануть и въ другомъ: ибо дѣйствительно, какъ образы, *прилучахуся оуплнз: писана же быша въ наученіе наше, въ нижше концы влкъ достмоша* (1 Кор. 10, 11.), какъ говоритъ святѣйшій апостоль, разумѣя обрѣзаніе, субботу и иное. О если бы ты и во всемъ соблюлъ истину, и не издавалъ намъ, лучше же сказать, себѣ самому и обманутымъ тобою не существующаго третьяго средняго бога!

Гл. 12. Но, думаю, что и въ настоящій разъ сказано довольно на твои слова, обманщикъ. Обличивъ оныя, перейду къ слѣдующимъ по порядку ересямъ, по обычаю призывая Самаго Бога помочь нашей скудости въ открытіи того, чѣмъ можно обличить всякую поддѣльную ересь. Хотя, какъ оказывается изъ сказаннаго, Птолемея, подобно акулѣ, вышедшей изъ моря и вызывающей ехидну, то есть Флору письмомъ, своимъ свистомъ и ввелъ ее въ обманъ, и

другихъ съ нею; но, обвинивъ себя *невозмоги* истины. подъ загадкою котораго Господь въ Евангеліи открывалъ царство небесное (Матѣ. 13, 47.), и раскрытіемъ негодности реченій Птолемея уличивъ его, что онъ одна изъ худыхъ рыбъ, мы побѣдили его ученіемъ истинной вѣры. Посему, сокрушивъ его силою Божіею, возблагодаримъ Бога, и, по сказанному прежде, двинемся выступить подобнымъ же образомъ противъ слѣдующихъ по порядку ересей.

Конецъ втораго отдѣленія первой книги.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

СОРОКЪ ВТОРАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

—

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕНИФАНІЯ КИПРСКАГО.

(ЧАСТЬ I.)

	стр.
Посланіе къ Елифанію архимандритовъ Акакія и Павла.	1
Отвѣтъ Елифанія на сіе посланіе.....	4
На восемьдесятъ ересей Панарій, или ковчегъ. <i>Книга первая. Отдѣленіе первое.....</i>	21
Стойки.....	38
Платоники.....	41
Иноагорейцы.....	42
Епикурейцы.....	42
Самаряне.....	57
Объ ессинахъ.....	65
О севуеяхъ.....	66

	страни
О горошинахъ.....	67
О досионыхъ.....	-
Иудейство:	
О садукееяхъ.....	69
О книжникахъ.....	71
О фарисеяхъ.....	73
Объ имеробаптистахъ.....	78
О назорейяхъ.....	80
Объ оссиныхъ.....	83
Объ иродіанахъ.....	91
Явленіе и пришествіе Христова во плоти.....	94
О назорейяхъ, или о христіанахъ.....	101

ОБЪ БРЕСЯХЪ. КНИГИ ПЕРВОЙ *отдѣленіе второе:*

О симоніанахъ.....	107
О менадріанахъ.....	116
О саторниліанахъ.....	118
О василлдіанахъ.....	129
О николаитахъ.....	142
О гностикахъ.....	151
О карпократіанахъ.....	179
О кериноіанахъ.....	192
О назорейяхъ.....	202
Объ евіонейяхъ.....	215
О валентиніанахъ.....	277
О секундіанахъ.....	349
О птолемяхъ.....	136

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

страниц. строк.

7	7	св. толки	толка
--	9	-- есениы	есениы
8	10	— валентины	валентиниане
11	6	— миринѳіане	меринѳіане
26	13	— <i>приложіи</i>	<i>приложіи</i>
32	8	— Авелѣ	Авелѣ;
71	12	— <i>чвановѣ</i>	<i>чвановѣ</i>
79	16	— Умерло. Потому	умерло, потому
110	1	— творившихъ	сотворившихъ
112	16	— предасть	придасть
134	10	— праволу	правилу
—	11	— говорить	говорить:
—	—	— имя:	имѣ
163	10	— животныхъ души	животныхъ, которыхъ души
164	1	сн. <i>осподства</i>	<i>юсподства</i>
249	4	св. сказалъ,	сказалъ я,
270	3	сн. <i>успокоилъ</i>	<i>упокоилъ</i>
291	10	св. Словомъ	Словомъ,
293	13	— ученію;	ученію,
294	18	— истинно	истинно
295	9	— кожею,	кожею
297	6	сн. Умъ и и	Умъ и
300	12	— Глубины	глубины
306	12	св. словами	слова
307	8	сн. (Кор.	(1 Кор.
308	11	— Гл. 15.	Гл. 18.
345	10	св. Гл. 35.	Гл. 36.
348	4	сн. дѣлались	сдѣлались

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Опроверженіе Езномія.....	317

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

Изъ книги противъ ересей.....	277
-------------------------------	-----

П Р И Б А В Л Е Н І Я .

1. Троицкая семинарія при митрополитѣ Платонѣ.....	495
2. О русскомъ переводѣ книги Екклесіаста..	637
3. Слово въ день Рождества Христова.....	674
4. Профессоръ М. Д. Академінъ, П. С. Делицынъ (некрологъ).....	684
5. Воспоминанія о математическихъ занятіяхъ профес- сора, протоіерея П. С. Делицына.....	696
6. Слово изъ текста: <i>вы есте тѣло Христово и уди отчасти</i>	714
7. Новое благотвореніе для М. Д. Академінъ.....	723
8. Извѣщеніе.....	724

Припечатаны объявленія: 1.) о изданіи духовныхъ журна-
ловъ въ 1864 году; 2.) о изданіи Гелкея: Священно-библей-
ская исторія.
